

II

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Железный крест (Tyskungen)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

Серебряные крылья (Vingar av silver)

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ПИСЬМО
ОТ РУСАЛКИ

Москва
2022

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg
SJÖJUNGFRUN

© 2008 Camilla Läckberg. First published by Forum, Sweden.
Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

Лэкберг, Камилла.

Л92 Письмо от русалки / Камилла Лэкберг ; [перевод с шведского Ю. В. Колесовой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-159595-1

Сбылась мечта Кристиана Тюделя: с большим успехом вышел в свет его дебютный роман «Русалка». Но почему же он подавлен и замкнут как никогда? Его знакомая Эрика Фальк узнала, что с некоторых пор тот стал получать странные пугающие письма. Тем временем бесследно исчезает Магнус, лучший друг Тюделя, а чуть позже его нашли на побережье убитым и вмёрзшим в лед. Муж Эрики, детектив Патрик Хедстрём, берется за расследование этого жуткого дела. Он выяснил, что такие же угрозы получали трое ближайших друзей Кристиана, в том числе и Магнус. Но на все вопросы оставшиеся в живых наотрез отказываются отвечать. Чем вызвано их странное молчание? И какой секрет они так упорно хранят, не боясь за собственную жизнь? Нужно найти разгадку, пока не стало слишком поздно...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-159595-1

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык,
2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается Мартину:
«I wanna stand with you on a mountain»*

Пролог

Он знал, что рано или поздно все снова всплывет на поверхность. Такое не скроешь. Каждое слово подводило его все ближе к ужасному, невысказанному. К тому, что он в течение стольких лет пытался вытеснить из сознания.

У него больше не было сил сопротивляться неизбежному. Вдыхая свежий утренний воздух, он зашагал быстрым шагом. Сердце отчаянно билось в груди. Он не хотел идти туда, однако понимал, что должен это сделать. Поэтому он решил положиться на волю случая. Если кто-нибудь окажется дома, он все расскажет. Если же ему никто не откроет, он отправится на работу как ни в чем не бывало.

Но дверь открылась, когда он постучал. Он вошел, сощурившись при странном освещении. Нет, не ее он ожидал здесь увидеть, а совсем другого человека.

Ее длинные волосы ритмично рассыпались по спине, когда он последовал за ней в гостиную. Он начал говорить, задал свой вопрос. Мысли кружились в голове. Все оказалось не так, как он ожидал. Все неверно — и вместе с тем все правильно.

Внезапно он смолк. Что-то с силой ударило его под диафрагму, так что речь прервалась на полуслове. Он опустил глаза, увидел кровь, которая начала сочиться из раны, когда нож выскользнул из нее. Затем еще один удар — и новая боль. И острый предмет, движущийся в его теле.

Он понял, что все кончено. Он достиг последнего рубежа, хотя ему еще так много оставалось сделать, увидеть, пережить. Однако во всем этом была своя справедливость. После всего содеянного он не заслуживал той жизни, которую жил, той любви, с которой к нему относились.

Когда все его чувства притупились от боли, когда нож замер неподвижно, нахлынула вода. Покачивание лодки на волнах. И когда холодное море приняло его в свои объятия, он уже ничего не чувствовал.

Последнее, что он видел, были ее волосы. Ее длинные темные волосы.

— Прошло уже три месяца! Почему вы до сих пор его не нашли?

Патрик Хедстрём посмотрел на женщину, сидевшую перед ним. С каждой встречей она выглядела все более изможденной. Каждую неделю приходила в полицейский участок в Танумсхеде, каждую среду появлялась здесь — с тех пор, как в начале ноября пропал ее муж.

— Мы делаем все, что от нас зависит, Сия. Ты прекрасно это знаешь.

Та кивнула, не сказав ни слова. Ее руки, лежавшие на коленях, чуть заметно дрожали. Затем она подняла на него глаза, полные слез. Это зрелище Патрик тоже наблюдал не впервые.

— Он не вернется, да?

Теперь и голос у нее дрожал, и Патрик подавил в себе желание подняться, обойти вокруг стола и обнять эту хрупкую женщину. Приходится вести себя как подобает профессионалу — хотя это противоречит его инстинкту защитника. Патрик подумал, как лучше ответить на ее вопрос.

— Нет, боюсь, что нет, — проговорил он наконец с глубоким вздохом.

Она больше ни о чем не спросила. Однако Патрик понял, что его слова подтвердили страшную догадку Сии Кельнер. Ее муж никогда больше не вернется домой. Третьего

ноября Магнус встал в половине седьмого, принял душ, оделся, помахал на прощание детям и жене. Около восьми его видели выходящим из дома — судя по всему, он направлялся на работу в фирму «Окна Танум». Куда он девался потом, никто не знал. Коллега, который обычно подвозил его до работы, так и не дождался его в тот день. Где-то на пути между своим домом у стадиона и домом коллеги возле площадки для мини-гольфа в поселке Фьельбака он бесследно исчез.

Они проанализировали всю его жизнь. Заявили о розыске, разослали его фотографию, опросили более пятидесяти человек — тех, кто был связан с ним по работе, а также друзей и родных. Искали долги, от которых он мог сбежать, тайных любовниц, растрату казенных денег — все, что угодно, что могло бы хоть как-то объяснить, почему преуспевающий сорокалетний мужчина, имеющий жену и двух детей-подростков, в один прекрасный день необъяснимым образом исчез. Однако им ничего не удалось обнаружить. Ничто не указывало на то, что он уехал за границу, и все деньги на их с женой совместном банковском счете остались в целости и неприкосновенности. Магнус Кельнер просто растворился в воздухе.

Проводив Сию, Патрик осторожно постучал в дверь кабинета Паулы Моралес.

— Войдите! — услышал он, вошел и прикрыл за собой дверь.

— Опять жена?

— Да, — вздохнул в ответ Патрик и опустился на стул перед письменным столом Паулы. Он положил было ноги на стол, но, поймав гневный взгляд хозяйки кабинета, поспешно опустил их.

— Ты думаешь, он мертв?

— Боюсь, что да, — проговорил Патрик. Впервые он произнес вслух те опасения, которые возникли у него вскоре после исчезновения Магнуса. — Мы проверили все. У этого парня не было причин, по которым люди обычно

решают исчезнуть. Похоже, он просто вышел из дому и... пропал!

— Но труп-то не нашли!

— Да, трупа не нашли, — кивнул Патрик. — Да и где его искать? Мы не можем прогребать море или прочесать весь лес в районе Фьельбаки. Остается только сидеть и надеяться, что кто-нибудь случайно обнаружит его. Живого или мертвого. На сегодняшний день я просто не представляю, как нам работать дальше по этому делу. Даже не знаю, что говорить Сие, которая приходит каждую неделю и ожидает, что мы порадуем ее успехами.

— По-моему, она просто пытается как-то справиться с ситуацией — хоть что-нибудь предпринимать, а не просто сидеть дома и ждать вестей. Я, например, точно сошла бы с ума от бездействия. — Паула бросила взгляд на фотографию в рамке, стоявшую рядом с компьютером.

— Понимаю, — пробормотал Патрик. — Но мне от этого нисколько не легче.

— Ясное дело.

В маленьком кабинете повисла пауза, и Патрик поднялся.

— Будем надеяться, что он найдется. Так или иначе.

— Да уж, будем надеяться, — тихо повторила Паула, но ее голос звучал столь же безнадежно.

* * *

— Толстуха!

— Сама-то хороша! — усмехнулась Анна, с многозначительным видом кивнув на живот сестры.

Повернувшись боком к зеркалу и глянув на свое отражение, Эрика Фальк вынуждена была согласиться с ней. Боже, что за зрелище! Огромный живот, а к нему сбоку приделана Эрика. И чувствовала она себя соответственно. По сравнению с ее нынешним состоянием она являла чудеса гибкости в прошлый раз, когда ждала Майю. Впрочем, на этот раз все по-другому — в животе у нее два малыша.

— Честно говоря, я тебе не завидую, — проговорила Анна с прямою младшей сестры.

— Спасибо на добром слове, — усмехнулась Эрика и толкнула ее животом. Анна тоже толкнула ее, в результате чего обе потеряли равновесие. Размахивая руками в воздухе, пытаясь устоять на ногах, они расхохотались и плюхнулись на пол.

— Просто издевательство какое-то! — проговорила Эрика, вытирая слезы в уголках глаз. — Разве может живой человек так выглядеть? Я словно персонаж из мультлика, проглотивший воздушный шар.

— Да уж, я безумно благодарна тебе за близнецов. На твоём фоне я чувствую себя просто тростинкой.

— Пожалуйста, — ответила Эрика и попыталась встать, но безуспешно.

— погоди, я тебе помогу, — сказала Анна, однако и она не смогла справиться с законом всемирного тяготения и снова тяжело плюхнулась на пол.

Посмотрев друг на друга, они хором выкрикнули:

— Дан!

— Я здесь, в чём дело? — донёсся голос с нижнего этажа.

— Мы не можем подняться! — крикнула Анна.

— Что ты сказала? — переспросил Дан.

Сестры услышали, как он поднимается по лестнице в спальню, где они находились.

— Чем вы тут занимаетесь? — спросил Дан с улыбкой, увидев свою жену и свояченицу на полу перед зеркалом.

— Мы не можем подняться, — ответила Эрика с таким достоинством, какое только было возможно в сложившейся ситуации, и протянула руку.

— Сейчас-сейчас, только схожу за вилочным погрузчиком, — ответил Дан, делая вид, что снова собирается выйти из комнаты.

— Послушай, шутки в сторону, — буркнула Эрика, а Анна расхохоталась так, что откинулась на спину.

— Хорошо, попробую так, авось получится, — кивнул Дан. Он взял Эрику за руку и потянул. — Раз-два, взяли!

— Можно без звуковых эффектов? — пробормотала Эрика, с трудом поднимаясь на ноги.

— Черт, какая же ты стала огромная! — воскликнул Дан, и Эрика шлепнула его по руке.

— Ты уже говорил мне это раз сто, и ты далеко не единственный. Может, тебе перестать муссировать эту тему и переключиться на свою собственную толстуху?

— Да я с удовольствием!

Дан помог подняться Анне и, воспользовавшись случаем, поцеловал ее в губы.

— Идите-ка вы домой, — усмехнулась Эрика и легонько толкнула Дана в бок.

— А мы у себя дома, — ответил Дан и снова поцеловал Анну.

— Хорошо, тогда, может быть, вернемся к тому делу, по которому я пришла? — сказала Эрика и направилась к платяному шкафу сестры.

— С чего ты взяла, что я смогу помочь тебе? — пожала плечами Анна и, покачиваясь, двинулась за сестрой. — Вряд ли у меня найдутся тряпки, которые на тебя налезут.

— Ну, и что же мне прикажешь делать? — проговорила Эрика, перебирая пальцем вешалки с одеждой. — Прием по поводу выхода книги Кристиана сегодня вечером, мне остается только напялить на себя игрушечную палатку Майи.

— Ну ладно, что-нибудь мы обязательно найдем. Брюки, которые на тебе, выглядят очень неплохо, а у меня найдется блузка, которая, возможно, на тебя сядет. Мне она, по крайней мере, великовата.

Анна извлекла из шкафа лиловую тунику с вышивкой. Эрика сняла с себя футболку и с помощью Анны натянула тунику через голову. Натягивать ее на живот было все равно что вручную набивать рождественскую колбасу, но в конце концов все получилось. Повернувшись к зеркалу, Эрика окинула себя критичным взглядом.

— Ты великолепно! — сказала Анна, и Эрика пробурчала в ответ что-то нечленораздельное.

При ее нынешних габаритах ни о каком великолепии речи быть не могло, однако сейчас она, во всяком случае, выглядела пристойно и даже нарядно.

— Пойдет, — сказала Эрика и попыталась сама снять с себя тунику, но вскоре отчаялась и позволила Анне ей помочь.

— А где будет мероприятие?

— В «Гранд-отеле».

— Как мило, что издательство устраивает прием ради дебютанта, — проговорила Анна и двинулась в сторону лестницы.

— Они просто в восторге. И объемы продаж для дебютного романа очень хороши, так что издательство радо устроить по этому случаю мероприятие. Да и пресса не обходит его вниманием, как сказала мне директор.

— А что ты сама думаешь по поводу этой книги? Тебе она наверняка пришлась по вкусу, иначе ты не стала бы рекомендовать ее издательству, не так ли? Она действительно хороша?

— Она... — Эрика задумалась, осторожно спускаясь по лестнице вслед за сестрой. — Она завораживающая. Мрачная и красивая, тревожная и сильная... да, завораживающая — пожалуй, самый подходящий эпитет.

— Кристиан, наверное, на седьмом небе от счастья?

— Да... ну да, — задумчиво протянула Эрика, привычно загружая кофеварку на кухне. — Само собой. Хотя...

Она замолчала, чтобы не сбиться со счета, отмеряя ложкой количество кофейного порошка.

— Он ужасно обрадовался, когда книгу приняли, но теперь создается впечатление, что работа над книгой что-то в нем разбередила. Трудно сказать, в чем тут дело, — я ведь не особо близко с ним знакома. Даже не знаю, почему он обратился именно ко мне, но я, само собой, откликнулась, когда он попросил о помощи. Как-никак у меня есть

немалый опыт работы над рукописями, хотя я и не пишу романов. И поначалу дело шло как по маслу. Кристиан все воспринимал позитивно и был открыт для предложений. Но под конец он все чаще замыкался, когда я пыталась что-то с ним обсудить. Трудно объяснить. Думаю, он немного эгоцентрик, и в этом все дело.

— Тогда он нашел себе самую подходящую профессию, — серьезным тоном проговорила Анна, и Эрика обернулась к ней:

— Стало быть, я не только толстуха, но еще и эгоцентрик?

— И еще ты рассеянная, — добавила Анна и кивнула в сторону только что включенной Эрикой кофеварки. — Не помешает налить в нее воду.

Кофеварка запыхтела в подтверждение ее слов, и Эрика, бросив мрачный взгляд на сестру, поспешно нажала кнопку выключения.

* * *

Все домашние дела она выполняла механически. Обмыла тарелки и вилки, поставила их в посудомоечную машину, достала из мойки обедки, помыла ее щеткой со средством для мытья посуды. Затем намочила тряпку, выжала и провела ею по кухонному столу, собирая крошки и стирая брызги.

— Мама, можно мне пойти к Сандре? — произнесла Элин, выходя на кухню. Упрямое выражение ее лица показывало, что она с самого начала настроена на отказ.

— Ты же прекрасно знаешь, что момент неподходящий. Сегодня вечером к нам придут бабушка с дедушкой.

— Они теперь часто стали у нас бывать. Почему мое присутствие каждый раз так необходимо?

Дочь повысила голос, в нем появились визгливые нотки, которые Сия с трудом переносила.

— Они приходят, чтобы пообщаться с тобой и Людвигом. Ты ведь понимаешь, что они очень расстроятся, если вас не окажется дома.

— Скучища смертная! Бабушка каждый раз начинает плакать, а дедушка велит ей перестать. Я хочу пойти к Сандре! Все остальные собираются у нее.

— Ты, наверное, немного преувеличиваешь? — проговорила Сия, прополаскивая тряпку и вешая ее на кран. — Не думаю, чтобы «все» собрались у Сандры. Ты пойдешь к ней в другой день, когда у нас не будет в гостях дедушки с бабушкой.

— Папа освобождал меня от этой повинности.

Сие показалось, что кто-то сдавил ее легкие. Она не в состоянии это выносить. У нее нет сил бороться со злостью и упрямством. Магнус знал, как обращаться с Элин, как справляться с такими ситуациями. А она не умеет. Во всяком случае, теперь, когда она одна.

— Папы сейчас здесь нет.

— А где же он тогда? — выкрикнула Элин, и слезы потекли по ее щекам. — Он что, сбежал от нас? Наверное, ему надоели твои бесконечные придирки. Старая дура!

Все мысли вдруг замерли в голове у Сии — словно все звуки исчезли и мир вокруг заволокло серым туманом.

— Он умер.

Собственный голос показался ей чужим, будто говорила не она, а кто-то незнакомый.

Элин уставилась на нее.

— Он умер, — повторила Сия. Странное спокойствие охватило ее; казалось, она парила где-то в воздухе над собой и дочерью, наблюдая эту сцену со стороны.

— Ты лжешь! — выпалила Элин. Ее грудь вздымалась, словно она только что пробежала марафонскую дистанцию.

— Я не лгу. Полиция предполагает, что дело обстоит именно так. И я знаю, что так и есть.

Услышав, как ее голос произносит эти слова, она вдруг осознала истину. Все это время она отказывалась верить в

очевидное, цепляясь за надежду. Но суровая правда заключалась в том, что Магнус мертв.

— Откуда ты это знаешь? И откуда полиция может это знать?

— Он никогда не бросил бы нас.

Элин замотала головой, словно пытаясь отогнать от себя эту мысль. Но Сия видела, что дочь думает о том же самом — Магнус не мог уйти от них.

Сделав несколько шагов вперед, Сия обняла дочь. Элин сначала упиралась, но потом вдруг обмякла в ее объятиях, словно сделалась маленькой. Дочь разрыдалась, Сия нежно погладила ее по волосам.

— Тс-с-с! — проговорила женщина успокаивающе, чувствуя, как у нее каким-то необъяснимым образом прибавилось сил, когда дочь ослабела. — Хорошо, пойди к Сандре, я постараюсь все объяснить бабушке с дедушкой.

Сия осознала, что отныне все решения придется принимать ей.

* * *

Кристиан Тюдель разглядывал свое отражение в зеркале. Временами он и сам не знал, как относиться к собственной внешности. Ему стукнуло сорок. Годы пронеслись незаметно, и теперь перед ним стоял не просто взрослый мужчина, а человек с первой проседью на висках.

— До чего ты хорош!

Кристиан вздрогнул, когда Санна возникла у него за спиной и обняла за талию.

— Ты меня напугала. Нельзя же так незаметно подкрадываться!

Он высвободился из ее объятий и, прежде чем обернуться, успел заметить в зеркале выражение разочарования на ее лице.

— Прости, я не хотела, — проговорила она, садясь на кровать.

— Ты тоже отлично выглядишь, — сказал он и ощутил новые угрызения совести, увидев, как ее глаза засияли от этого маленького комплимента. Вместе с тем его все это раздражало. Он терпеть не мог эту ее манеру вести себя, как щенок, виляющий хвостом при каждом знаке внимания со стороны хозяина. Жена была на десять лет моложе его, но иногда ему казалось, что на двадцать.

— Помоги мне с галстуком.

Кристиан шагнул к жене, она поднялась и привычным движением завязала узел галстука. Все вышло превосходно с первой же попытки, и она сделала шаг назад, разглядывая свое произведение.

— Сегодня тебя ждет сногшибательный успех!

— Гм... — проговорил он, не зная, что ответить.

— Мама, Нильс меня бьет!

Мелькер ворвался в комнату, словно за ним гналась стая разъяренных волков, и схватился не помытыми после еды руками за первый надежный предмет, попавшийся ему на пути, — отцовскую ногу.

— Проклятье! — воскликнул Кристиан и резко оттолкнул своего пятилетнего сына. Но было уже поздно. На обеих брючинах чуть выше колен остались отчетливые следы кетчупа. Невероятным усилием воли Кристиан попытался взять себя в руки. В последнее время ему это не всегда удавалось.

— Ты что, не можешь присмотреть за детьми? — прошипел он и начал демонстративно расстегивать брюки, чтобы переодеться.

— Эти пятна легко оттираются, я уверена, — выдавила из себя Санна, пытаясь догнать Мелькера, который теперь устремился к родительской кровати.

— И когда же их оттирать, скажи на милость, если уже через час мне надо быть на месте? Мне придется переодеться.

— Но... — проговорила Санна сквозь слезы.

— А ты пока изволь присмотреть за детьми.

Санна, моргая при каждом его слове, как от пощечины, молча сгребла в охапку Мелькера и уволокла его прочь из спальни.

Когда она вышла, Кристиан тяжело опустился на кровать. Уголком глаза он видел себя в зеркале. Мужчина, скрежещущий зубами от злости, одетый в пиджак, рубашку, галстук и кальсоны, ссутулившийся, словно все проблемы мира давили ему на плечи. Он выпрямил спину и выставил грудь вперед. Ну вот, так уже гораздо лучше.

Сегодня его вечер. Этого у него никто не отнимет.

* * *

— Есть какие-нибудь новости?

Йоста Пилот вопросительным жестом приподнял кофейник, увидев Патрика, входящего в крошечную кухню полицейского участка.

Патрик кивнул, чтобы тот налил ему кофе, и уселся за стол. Услышав, что в кухне собираются закусывать, Эрнст тоже прибежал и улегся под столом в надежде, что и ему перепадет печенье, которое он с готовностью слизнет своим шершавым языком.

— Вот, — проговорил Йоста, ставя перед Патриком чашку черного кофе и усаживаясь напротив.

— Что-то ты сегодня бледный какой-то, — добавил он, внимательно изучая молодого коллегу.

Патрик пожал плечами:

— Просто немного устал. Майя плохо спит по ночам, и к тому же она что-то часто стала упрямиться в последнее время. А Эрика по понятным причинам совершенно измотана. Так что мне и дома приходится вкалывать.

— А дальше станет еще хуже, — сухо констатировал Йоста.

Патрик рассмеялся.

— Да уж, Йоста, весельчак ты наш, дальше будет еще хуже.

— Стало быть, тебе не удалось узнать ничего нового о Магнусе Кельнере?

Йоста незаметно кинул под стол печенье, и Эрнст радостно забарабанил хвостом по ногам Патрика.

— Ничегошеньки, — вздохнул Патрик и отхлебнул кофе.

— Я видел, что она опять приходила.

— Да, я только что заходил к Пауле, и мы с ней это обсуждали. Ее походы к нам превратились в какой-то навязчивый ритуал. Но что тут странного? Как человеку вести себя, когда муж попросту бесследно исчезает?

— Может быть, нам стоит допросить еще кого-нибудь? — проговорил Йоста и кинул под стол еще одно печенье.

— Кого еще? — спросил Патрик и сам удивился тому, как раздраженно прозвучал его голос. — Мы поговорили со всеми членами семьи, с друзьями, постучались в двери ко всем соседям в районе, где он жил, мы развешали объявления и выступили в местной прессе, призывая всех, кто что-нибудь знает, немедленно сообщить нам. Что еще мы можем сделать?

— Падать духом совершенно не в твоем стиле.

— Согласен. Но если у тебя есть конструктивные предложения, я их с удовольствием выслушаю.

Патрик тут же пожалел, что произнес эти слова таким резким тоном. Впрочем, Йоста, похоже, не обиделся.

— Ужасно надеяться на то, что мы найдем его мертвым, — продолжал Патрик более миролюбивым тоном, — но я совершенно убежден: только тогда мы узнаем, что же произошло. Готов биться об заклад — он исчез не по собственной воле. Когда есть труп, то, по крайней мере, есть над чем работать.

— Да, ты совершенно прав. Жуткая мысль, что этот парень где-нибудь всплывет или обнаружится в лесу. Но у меня то же чувство, что и у тебя. Должно быть, ужасно...

— Не знать — ты это хотел сказать? — проговорил Патрик и осторожно переставил ноги, которые начали потеть от прижатой к ним горячей собачьей спины.

— Да, ты представь себя в этой ситуации. Каково сидеть и понятия не иметь, куда девался человек, которого ты любишь! Это как с родителями пропавших детей. Есть американский сайт на эту тему. Сотни фотографий и призывов откликнуться. Просто кошмар какой-то!

— Я бы такого просто не пережил, — сказал Патрик. Он представил себе свою непоседу-дочь. Мысль о том, что ее могут у него отнять, казалась совершенно невыносимой.

Возникла пауза, которую прервал жизнерадостный голос Анники:

— О чем вы тут беседуете? Какое-то совершенно похоронное настроение за столом.

Она вошла и тоже присоединилась к компании. Вслед за ней появился самый младший сотрудник участка, Мартин Мулин, привлеченный голосами, доносящимися из кухни, и запахом кофе. Он работал на полставки, в остальное время сидя дома с маленьким ребенком, и пользовался каждым случаем поучаствовать в разговорах коллег, чтобы не выбиваться из коллектива.

— Мы говорили о Магнусе Кельнере, — произнес Патрик, своим тоном давая понять, что разговор на эту тему уже завершен. Чтобы подчеркнуть это, он заговорил о другом: — Как дела с вашей малышкой?

— Ой, хорошо. Вчера нам прислали новые фотографии, — ответила Анника и вытащила из кармана кофты пачку снимков. — Посмотрите, как она выросла!

Анника положила фотографии на стол, и Патрик с Йостой стали по очереди рассматривать их. Мартин уже имел возможность полюбоваться снимками, когда пришел утром на работу.

— Ой, какая хорошенькая! — воскликнул Патрик.

— Да, — кивнула Анника. — Ей уже десять месяцев.

— Когда же вы сможете поехать за ней? — с искренней заинтересованностью спросил Йоста. В том, что Анника и Леннарт всерьез задумались об усыновлении, был его

немалый вклад, так что он отчасти воспринимал девочку как свое дитя.

— Пока нам поступает весьма противоречивая информация, — вздохнула Анника. Собрав фотографии, она бережно убрала их в карман. — Похоже, через пару месяцев.

— Наверное, тебе кажется, что это целая вечность, — проговорил Патрик, поднимаясь и ставя свою чашку в посудомоечную машину.

— Само собой. Но с другой стороны... Все идет своим чередом. Она у нас есть.

— Вот именно! — воскликнул Йоста и, забывшись, положил ладонь на руку Анники, но тут же отдернул. — У меня много дел. Некогда мне сидеть тут с вами языком чесать, — буркнул он смущенно и поднялся.

Трое коллег с улыбкой смотрели ему вслед, когда он поспешно вышел из кухни.

* * *

— Кристиан! — воскликнула директор издательства и, подойдя к нему, заключила его в свои могучие объятия, обдав тяжелым запахом духов.

Кристиан задержал дыхание, чтобы не чувствовать навязчивый запах. Габи фон Русен никогда не отличалась излишней деликатностью. Всего в ней было с избытком: слишком пышная прическа, излишек косметики и к тому же привычка одеваться, мягко говоря, вызывающе. По сегодняшнему торжественному поводу она нарядилась в ядовито-розовый костюм с огромной зеленой матерчатой розой на лацкане, а высоченные каблуки, как всегда, представляли угрозу жизни и здоровью. Однако, несмотря на этот экстравагантный внешний вид, директор нового бурно развивающегося издательства заставила всех воспринимать ее всерьез. Проработавшая в издательском деле более тридцати лет, она обладала острым умом и не менее острым

языком. Те, кто когда-то недооценил ее как конкурента, давно осознали свою ошибку.

— Сегодня все будет замечательно! — воскликнула Габи, держа его за рукав и солнечно сияя.

Кристиану, окутанному плотным шлейфом ее духов, по-прежнему тяжело было дышать, поэтому он ограничился кивком.

— Ларс-Эрик и Анна-Лена, которые помогли мне в организации фуршета, просто потрясающие мастера своего дела, — продолжала она. — Мне кажется, это идеальное место для презентации твоей восхитительной книги. Ну, как ты себя чувствуешь?

Кристиан осторожно высвободился из ее рук и сделал шаг назад.

— Как во сне, если честно, — проговорил он. — Я так долго обдумывал эту книгу... и вот я здесь.

Он покосился на стопку книг, сложенных на столике у входа. На всех корешках красовалось его имя и заглавие: «Русалка». В животе у Кристиана защекотало — похоже, все это происходит на самом деле.

— План у нас такой, — снова заговорила Габи и потянула его за собой, и он покорно последовал за ней. — Мы начнем с пресс-конференции, чтобы журналисты могли побеседовать с тобой в спокойной обстановке. Мы очень довольны тем, как представлена пресса. «ГП»¹, «ГТ»², «Бохюсленинген» и «Стрёмстадс Тиднинг» прислали своих корреспондентов. Правда, все газеты местные, но это с лихвой компенсируется сегодняшней хвалебной рецензией в «Свенскан».

— А что за рецензия? — спросил Кристиан, пока она вела его в небольшое помещение возле сцены, где, судя по всему, предполагалось провести пресс-конференцию.

— Ты все узнаешь потом, — решительно произнесла Габи и усадила его на стул у стены.

¹ Сокращенное название газеты «Гётеборгс Постен».

² Сокращенное название газеты «Гётеборгс Тиднинген».

Кристиан попытался взять ситуацию под контроль, но его не покидало чувство, что он попал в центрифугу, из которой ему уже не выбраться, и удаляющаяся фигура Габи лишь усугубляла его состояние. По залу туда-сюда бегали официанты, накрывая столы для фуршета. На него никто не обращал внимания. Кристиан позволил себе на секунду закрыть глаза. Подумал о книге, о долгих часах, проведенных за компьютером. Сотни, тысячи часов. И еще он подумал о Ней — о Русалке.

— Кристиан Тюдель? — прозвучал у него над ухом голос, прервавший ход его мыслей.

Кристиан поднял глаза. Перед ним стоял человек с протянутой рукой в ожидании, что он ответит на рукопожатие, так что Кристиану пришлось подняться и пожать руку вошедшему.

— Биргер Янссон, «Стрёмстадс Тиднинг», — представился мужчина и поставил на пол большой фотокофр.

— Да-да, добро пожаловать, садитесь, — пробормотал Кристиан, не зная, как себя вести. Он поискал глазами Габи, но увидел лишь ядовито-розовое пятно, парившее где-то у входа в зал.

— Да уж, презентация организована с большим размахом, — усмехнулся Биргер Янссон и огляделся.

— Похоже на то, — ответил Кристиан.

Повисла неловкая пауза, оба заерзали на своих стульях.

— Ну что, начнем? Или подождем остальных? — спросил Биргер.

Кристиан посмотрел на репортера пустым взглядом. Откуда ему знать, как поступать в такой ситуации? Он никогда еще не делал ничего подобного. Янссон, кажется, воспринял его молчание как знак согласия, поставил на стол магнитофон и включил его на запись.

— Так-так, — начал он и вопросительно посмотрел на Кристиана. — Стало быть, это ваш дебютный роман.

Кристиан задумался: требуется ли от него что-то еще, кроме согласия с этим утверждением?

— Да, именно, — кивнул он и откашлялся.

— Мне он очень понравился, — заявил Биргер Янссон резким тоном, противоречащим одобрительным словам.

— Спасибо, — проямлил Кристиан.

— Что вы хотели им сказать? — продолжал Янссон, наклонившись к магнитофону, чтобы убедиться в его исправности.

— Что я хотел сказать? Затрудняюсь ответить. Просто я долго носил в себе эту историю, и мне хотелось ее рассказать.

— Книга очень мрачная. Я бы даже сказал, она полна безысходности, — проговорил Биргер, глядя на Кристиана таким взглядом, словно стремился заглянуть в самые тайные уголки его души. — Таким вы видите наше общество?

— Ну, я не уверен, что стремился выразить в книге именно мое отношение к обществу, — ответил Кристиан, мучительно пытаясь придумать что-нибудь умное. Он никогда не подходил к своему творчеству с такой точки зрения. Повествование так давно таилось в нем, хранилось в глубине души, и в конце концов он просто не мог не излить его на бумагу. Что он при этом хотел сказать по поводу общества? Такой мысли у него вообще не возникало.

Его спасла Габи. Она привела толпу других журналистов, и Биргер отключил свой магнитофон, пока все здоровались и рассаживались. На это ушло несколько минут, и Кристиан воспользовался случаем, чтобы собраться с мыслями.

Габи попросила минуточку внимания.

— Добро пожаловать на встречу с новой звездой на литературном небосклоне — писателем Кристианом Тюделем. Наше издательство гордится тем, что нам выпала честь выпустить в свет его первый роман «Русалка», и мы убеждены, что это лишь первый шаг в его долгой и яркой писательской карьере. Кристиан еще не успел прочесть рецензии, и я с огромной радостью хочу сообщить тебе, что твоя книга

удостоилась высокой оценки в «Свенскан», «ДН»¹ и «Арбетарбладет», не говоря уже о других изданиях. Позвольте мне процитировать пару выдержек.

Надев очки, она потянулась к пачке листов, лежавших рядом с ней на столе. На белой бумаге ярко сияли строки, выделенные розовым маркером.

— «Словесный виртуоз, который описывает незащищенность маленького человека, не теряя при этом ощущения глобальности». Это из «Свенскан», — пояснила Габи и открыла другую страницу. — «Книга Кристиана Тюделя дарит наслаждение, смешанное с болью, когда он своей беспощадной прозой обнажает лживые и пустые обещания общества безопасности и демократии. Его слово вонзается, как нож, в плоть, мышцы и совесть и заставляет жадно читать дальше в поисках новой мучительной, но очищающей боли». Это «ДН», — добавила Габи, снимая очки и протягивая Кристиану стопку рецензий.

Не веря своим глазам, он принял у нее из рук бумаги. Слова дошли до его сознания, и было приятно слышать хвалебные отзывы, однако в глубине души он не совсем понимал, о чем речь. Он всего лишь написал о Ней, рассказал Ее историю. Исторг из себя слова и образы, которые временами оставляло после себя ощущение внутренней пустоты. Он не хотел ничего говорить об обществе — он хотел рассказать о Ней.

Возражения так и не сорвались с его языка. Никто все равно не понял бы его, и, наверное, так даже лучше. Все равно он никогда не смог бы все это объяснить.

— Очень приятно, — проговорил он и почти физически ощутил пустоту этих слов, когда произносил их.

Затем последовали новые вопросы. Похвала и размышления по поводу его книги. И он почувствовал, что не может вразумительно ответить ни на один вопрос. Как

¹ Газета «Дагенс Нюхетер», одна из четырех крупнейших шведских газет.

описать то, что заполняло твою жизнь до последнего миллиметра? Не просто история, а стратегия выживания. Попытка заглушить боль. Он делал все, что было в его силах, изо всех сил старался отвечать четко и продуманно. Судя по всему, получалось неплохо, потому что Габи время от времени одобрительно кивала.

Когда пресс-конференция подошла к концу, у Кристиана оставалось одно желание — встать и уйти домой. Его охватило ощущение полной опустошенности. Однако обстоятельства вынуждали его остаться в этом роскошном зале ресторана «Гранд-отеля», и он сделал глубокий вдох, приготовившись встречать гостей, которые уже начали прибывать. Он улыбался им, и никто даже не подозревал, каких невероятных усилий стоила ему эта улыбка.

* * *

— Ты сможешь сегодня не напиться? — спросил Эрик Линд свою жену, стараясь говорить как можно тише, чтобы остальные, стоявшие в очереди у входа в банкетный зал отеля, не слышали его.

— А ты сможешь сегодня никого не щипать за попу? — парировала Луиза, не давая себе труда понизить голос.

— Даже не понимаю, о чем ты говоришь, — ответил Эрик. — И будь добра уменьшить громкость.

Луиза посмотрела на своего мужа холодным взглядом. Он хорош собой, этого она не могла отрицать. Когда-то именно этим он ее и взял. Они познакомились в университете, и многие девушки с завистью поглядывали ей вслед, когда ей удалось окрутить Эрика Линда. И все эти годы он медленно, но верно убивал ее любовь, уважение и доверие своим бесконечным траханьем — не с ней, боже сохрани! Похоже, у него никогда не возникало проблем с тем, чтобы найти себе развлечения на стороне.

— Привет, вы тоже здесь? Как приятно вас видеть!

Сесилия Янсдоттер протиснулась к ним и расцеловала обоих в щеки. Она была парикмахершей Луизы, а в последний год — еще и любовницей Эрика. Хотя они оба, конечно же, считали, что Луиза об этом не подозревает.

— Привет, Сесилия! — ответила Луиза и улыбнулась. Если бы она дулась на всех, с кем переспал ее муж, то перессорилась бы с половиной населения Фьельбаки. К тому же она уже много лет назад перестала обращать внимание на его романы. У нее есть дочери. И замечательное изобретение — вино в пятилитровых картонных упаковках. На что ей Эрик?

— Правда, здорово, что у нас во Фьельбаке появляются собственные писатели? Сначала Эрика Фальк, а теперь еще и Кристиан. — Сесилия буквально подпрыгивала на месте от восторга. — А вы читали книгу?

— Я читаю только деловые газеты, — ответил Эрик.

Луиза вздохнула и подняла глаза к небу. Так типично для Эрика — бравировать тем, что он не читает книг.

— Надеюсь, нам подарят по экземпляру, — ответила она и плотнее запахнулась в пальто. Ей хотелось только одного — чтобы очередь двигалась побыстрее и они поскорее оказались в тепле.

— Да, у нас в семье чтение — удел Луизы. С другой стороны, чем еще заниматься, когда не работаешь. Не так ли, дорогая?

Луиза пожала плечами и не стала отвечать на язвительный комментарий. Какой смысл напоминать Эрику, что он сам убедил ее не работать, пока росли дочери? Или объяснить, что она с утра до ночи занята обеспечением того привычного уклада жизни, который он считает само собой разумеющимся?

Болтая о пустяках, они постепенно продвигались вперед. Наконец они вошли в холл отеля, повесили верхнюю одежду в гардероб и, спустившись на несколько ступенек, вошли в банкетный зал.

Чувствуя спиной жгучий взгляд Эрика, Луиза сразу направилась к бару с напитками.

— Постарайся не переутомляться! — сказал Патрик и поцеловал Эрику в губы, когда она уже стояла в дверях со своим огромным животом.

Майя немного поныла, увидев, что мама уходит, однако тут же успокоилась, стоило Патрику усадить ее на диван перед телевизором, на экране которого уже появился зеленый дракончик — заставка популярной детской телепередачи. В последние месяцы дочка стала гораздо упрямее и капризнее, и тем темпераментным всплескам, которые вызывало у нее просто слово «нет», могла бы позавидовать любая примадонна. Во многом Патрик понимал ее состояние. Наверняка она тоже ощущает атмосферу напряженного ожидания, порой смешанного с ужасом. Господи, близнецы! Хотя они с Эрикой узнали эту новость еще на первом УЗИ на восемнадцатой неделе, он до сих пор не успел свыкнуться с этой мыслью. С одним-то младенцем достаточно непросто — а что делать, когда их двое? Как их кормить, как укладывать спать и все такое прочее? К тому же придется покупать новую машину, чтобы в ней смогли разместиться трое детей и их коляски. Уже одно это...

Патрик плюхнулся на диван рядом с Майей, уставившись в одну точку. В последнее время он ощущал необычную усталость. Казалось, силы на исходе: иногда ему с трудом удавалось заставить себя подняться утром с постели. Впрочем, ничего удивительного. Помимо всех домашних дел, вечно уставшей Эрики и Майи, превратившейся в маленького упрямого монстра, его очень тяготило то, что происходит на работе. С тех пор как он встретил Эрику, его отделу несколько раз приходилось заниматься расследованием убийств, да и бесконечная борьба с начальником, Бертилем Мелльбергом, отнимала немало сил.

А теперь еще и исчезновение Магнуса Кельнера. То ли опыт, то ли интуиция подсказывали Патрику, что с парнем что-то случилось. Несчастный случай или преступление —

пока невозможно было сказать, что именно, однако Патрик готов был поспорить на свой полицейский жетон, что Магнуса уже нет в живых. И так тяжело было встречаться по средам с его женой, которая с каждым разом, казалось, уменьшалась и усыхала. Они с коллегами сделали все, что было в их силах, но лицо Сири Кельнер преследовало его.

— Папа!

Майя прервала ход его мыслей неожиданно громким выкриком. Ее маленький пальчик указывал на экран телевизора, и Патрик сразу понял, в чем дело. Похоже, он предавался своим мыслям несколько дольше, чем ему показалось, — детская передача закончилась, и вместо нее начались новости, которые Майю совершенно не интересовали.

— Сейчас папа все исправит, — сказал он, подняв ладони. — Что скажешь насчет Пеппи?

Ответ Патрик знал заранее — как раз сейчас его дочь очень увлекалась Пеппи Длинныйчулок. Он достал диск, и когда начался фильм про Пеппи на семи морях, уселся рядом с дочерью, обняв ее одной рукой. Она с удовольствием прижалась к его боку, словно теплый маленький зверек. Пять минут спустя Патрик уже спал.

* * *

Кристиана прошиб пот. Габи сообщила, что скоро ему пора выходить на сцену. Нельзя сказать, чтобы банкетный зал был переполнен народом, однако здесь собралось человек шестьдесят гостей, с тарелками и бокалами вина в руках, и в зале царил атмосфера радостного ожидания. Сам Кристиан есть не мог, только пил красное вино. Он как раз допивал третий бокал, хотя и понимал, что пора остановиться. Странно будет выглядеть, если во время интервью он начнет бормотать нечто бессвязное. Но без вина ему не пережить сегодняшний вечер.

Обводя рассеянным взглядом зал, он вдруг почувствовал, как кто-то положил ладонь ему на рукав.

— Привет, как дела? — проговорила Эрика, беспокоенно глядя на него. — Вид у тебя напряженный.

— Да, немного нервничаю, — кивнул он и испытал облегчение от того, что смог кому-то в этом признаться.

— Прекрасно тебя понимаю, — кивнула Эрика. — Помню, как я впервые выступала на презентации дебютантов в Стокгольме — потом чувствовала себя как выжатый лимон. А что я говорила, стоя на сцене, — задним числом ни слова не могла вспомнить.

— Боюсь, меня сегодня ждет что-то в этом духе, — проговорил Кристиан и провел рукой по горлу. На мгновение он вспомнил о письмах, и его охватило чувство паники. Он покачнулся и удержался на ногах только благодаря Эрике, которая поддержала его.

— Ай-ай-ай! — усмехнулась Эрика. — Подозреваю, что ты уже немного принял для храбрости. Не пей больше до своего выступления.

С этими словами она осторожно взяла у него из рук бокал с красным вином и оставила на ближайший стол.

— Все пройдет великолепно, я уверена. Сначала Габриелла представит тебя и книгу, затем я задам тебе несколько вопросов, которые мы с тобой уже обсуждали. Положись на меня. Остается единственная проблема — поднять меня на сцену.

Она рассмеялась, и Кристиан согласился с ней. Не совсем от чистого сердца и немного звенящим голосом, но это подействовало. Напряжение частично отпустило, и он почувствовал, что снова может дышать. Мысль о письмах он отогнал подальше. Сегодня ничто не сможет его сбить. Русалка реализовалась в его книге, и теперь об этом можно забыть. С Ней покончено.

— Привет, мой дорогой!

Санна присоединилась к ним. Ее глаза засияли, когда она оглядела зал. Он понимал, что в ее жизни это великий день — возможно, куда более значимый, чем для него самого.

— Какая ты красивая! — произнес он, и она восприняла его похвалу с восторгом.

Санна действительно прекрасно выглядела. Он понимал, что ему ужасно повезло с женой. И она все ему прощала — более, чем кто-либо другой. И не ее вина, что она не в состоянии заполнить его внутреннюю пустоту. Вероятно, это не удастся никому. Он обнял жену и поцеловал ее волосы.

— Какая чудесная пара! — воскликнула Габи, которая приблизилась к ним, постукивая каблучками по паркету. — А тебе прислали цветы, Кристиан!

Он с удивлением уставился на букет, который она держала в руке. Букет был красивый, но простой — только белые лилии.

Дрожащей рукой Кристиан потянулся к конверту, прикрепленному к букету. Его трясло, он едва смог открыть конверт, лишь краем сознания отмечая удивленные взгляды женщин, стоящих вокруг него.

Открытка тоже была проста. Белая карточка из плотной бумаги, текст написан черными чернилами, изящным почерком, как в письмах. Кристиан уставился на строки. Потом в глазах у него почернело...

Она была прекраснее всех на свете. От нее вкусно пахло, а длинные волосы были зачесаны назад и перехвачены белой повязкой. Она сияла так, что ему пришлось прищуриться. Неуверенным шагом он приблизился к ней, не зная, дозволено ли ему приобщиться к этой красоте. Она протянула к нему руки, показывая, что все можно, и он кинулся в ее объятия. Прочь от черноты и зла. Его окружали теперь белизна, свет, нежный цветочный запах и шелковистое прикосновение ее волос к его щеке.

— Ты теперь моя мама? — проговорил он в конце концов и нехотя сделал шаг назад. — Она кивнула. — Точно?

Он ожидал, что кто-нибудь войдет и насмешливым комментарием разрушит очарование, сказав ему, что он просто

видит сон — ведь такое восхитительное существо не может быть матерью такому, как он.

Но никаких голосов не послышалось. Она лишь снова молча кивнула ему, и тут он уже не мог сдерживаться. Он снова бросился в ее объятия, мечтая лишь о том, чтобы остаться в них навсегда. Где-то в голове кружились иные картины, иные запахи и звуки, пытаясь пробиться к сознанию, однако они потонули в цветочном аромате и шуршании ее одежд. Он отогнал их. Заставил исчезнуть, чтобы дать место новым, потрясающим ощущениям. Этому невероятному счастью.

Он поднял глаза на свою новую мать, и его сердце учащенно забилось от восторга. Когда она взяла его за руку и увела прочь, он с готовностью последовал за ней.

— Я слышал, что вчера все закончилось достаточно печально. О чем, собственно, думал Кристиан? Напиться на таком банкете!

Кеннет Бенгтссон пришел в свой офис с опозданием после тяжелого утра. Войдя, он бросил было куртку на диван, но, поймав недовольный взгляд Эрика, поднял ее и повесил на вешалку.

— Да уж, вчера вечер закончился достаточно неожиданно, — ответил Эрик. — С другой стороны, Луиза была настроена пуститься во все тяжкие, так что я даже рад, что мне удалось этого избежать.

— Значит, дела у тебя совсем плохи? — переспросил Кеннет, разглядывая Эрика.

Нечасто Эрик доверял ему что-либо личное. Так было всегда. И в детстве, когда они играли вместе, и теперь, во взрослом возрасте. Эрик держался с Кеннетом так, словно едва его выносил, словно делал ему одолжение, опускаясь до общения с ним. Не будь у Кеннета весьма конкретных вещей, которые он мог ему предложить, их дружба давно ушла бы в песок. Как и случилось, пока Эрик учился в университете и работал в Гётеборге. Кеннет же остался

дома, во Фьельбаке, и создал свою маленькую аудиторскую фирму, которая с годами становилась все более процветающей. Ибо Кеннет был наделен талантом. Он не мнил себя красавцем или интеллектуалом, но у него была потрясающая способность обращаться с цифрами. Он умел жонглировать суммами в балансах и финансовых отчетах, как Дэвид Бекхэм — футбольным мячом. Это качество в сочетании со способностью привлекать на свою сторону налоговую службу внезапно придало ему невиданную ранее ценность в глазах Эрика. Когда Эрик решил заняться строительным бизнесом, ставшим столь привлекательным на Западном побережье в последние годы, Кеннет стал его компаньоном. Разумеется, Эрик сразу указал ему его место — Кеннет владел лишь третью акций фирмы, а не половиной, как ему полагалось бы, учитывая его вклад в развитие предприятия. Однако он не переживал по этому поводу. Кеннета не манили ни власть, ни богатство. Он занимался тем, что у него лучше всего получалось в одной связке с Эриком. И ему этого вполне хватало.

— Даже не знаю, что мне делать с Луизой, — проговорил Эрик и поднялся со стула. — Если бы не дети...

Он горестно покачал головой и взял пальто.

Кеннет понимающе кивнул. На самом деле он прекрасно знал, в чем загвоздка. И дело тут было не в детях. Эрику не давало развестись с Луизой то простое обстоятельство, что в этом случае она забрала бы с собой половину капитала.

— Пойду пообедаю. Какое-то время меня не будет. Продолжительный обеденный перерыв.

— Хорошо, — кивнул Кеннет. Не впервые компаньон уходил на продолжительный обеденный перерыв.

* * *

— Он дома?

Эрика стояла на лестнице виллы семьи Тюдель.

Несколько секунд Санна колебалась, но потом сделала шаг в сторону, пропуская ее.

— Он наверху, в своем кабинете. Сидит перед компьютером и смотрит в одну точку.

— Можно мне подняться к нему?

Санна кивнула:

— Да. Мои слова до него не доходят. Может быть, у тебя лучше получится.

Голос ее прозвучал горько, и Эрика бросила на нее внимательный взгляд. Вид у Санны был усталый. Усталость — и нечто еще, к чему Эрика пока не могла подобрать слов.

— Посмотрим, что я могу сделать, — проговорила Эрика и стала тяжело подниматься по лестнице, придерживая рукой живот. Теперь даже такое небольшое усилие совершенно изматывало ее. — Привет!

Она осторожно постучала в открытую дверь, и Кристиан обернулся. Он сидел на стуле перед своим рабочим столом. Монитор компьютера был погашен.

— Ты вчера так нас напугал, — начала она, усаживаясь в кресло в углу.

— Ничего особенного, я всего лишь немного переработал, — пробормотал Кристиан. Однако от Эрики не укрылось, что вокруг его глаз пролегли глубокие морщины, а руки по-прежнему слегка дрожали. — И потом, меня тревожит вся эта история с Магнусом.

— Ты уверен, что дело только в этом? — проговорила она, и ее голос прозвучал жестче, чем ей хотелось бы. — Вот это я нашла вчера и принесла с собой.

Порывшись в кармане, она достала сообщение, которое было прикреплено ко вчерашнему букету.

— Должно быть, ты уронил его.

Кристиан уставился на карточку.

— Убери это!

— Что означают эти слова? — спросила Эрика, с тревогой поглядывая на человека, которого уже почти начала воспринимать как своего друга.

Он промолчал. Эрика повторила более мягким тоном:

— Кристиан, что все это значит? Вчера твоя реакция на это послание оказалась очень бурной. И не пытайся убедить меня, что ты просто переработал.

Он продолжал молчать, но тишину внезапно нарушил голос Санны, возникшей в дверях.

— Расскажи о письмах!

Она так и осталась стоять на пороге в ожидании ответа мужа. После некоторой паузы Кристиан вздохнул и, выдвинув нижний ящик, выложил на стол небольшую стопку писем.

— Некоторое время назад я начал получать вот это.

Эрика взяла письма в руки и осторожно просмотрела. Белые листы, черные чернила. Почерк, вне всяких сомнений, тот же, что и на открытке, которую она принесла с собой. Да и слова казались знакомыми. Разные формулировки, но всего лишь вариации на одну и ту же тему. Она прочла вслух первое письмо:

— «Она идет рядом с тобой, Она преследует тебя. Ты ни на что не имеешь права. Твоя жизнь принадлежит Ей».

Эрика оторвала взгляд от листа и с удивлением уставилась на Кристиана.

— Что имеется в виду? Ты понимаешь, о чем тут речь?

— Нет. — Ответ прозвучал поспешно и решительно. — Понятия не имею. Я не знаю никого, кто желал бы мне зла. И я понятия не имею, кто такая «Она». Нужно было их выкинуть, — добавил он и потянулся к письмам, но Эрика не сделала ответного движения, чтобы отдать их ему.

— Тебе следовало бы обратиться в полицию.

Кристиан отрицательно покачал головой:

— Нет, наверняка это просто кто-то развлекается. Чья-то злая шутка.

— На шутку что-то не похоже. И тебе, по-моему, не очень весело.

— Вот и я говорю то же самое, — вставила Санна. — Мне кажется, все это довольно жутко. Учитывая, что у нас

дети, и все такое. Вдруг это какой-нибудь сумасшедший, который...

Она покосилась на Кристиана, и Эрика поняла, что дискуссия такого рода происходила в их семье не в первый раз. Но он снова энергично потряс головой.

— Я не желаю предавать все это огласке.

— Когда это началось? Скажи более точно.

— Когда ты взялся писать книгу, — проговорила Санна, за что муж наградил ее раздраженным взглядом.

— Да, примерно в это время, — подтвердил он. — Полтора года назад.

— Может тут быть какая-то связь? Описываются ли в книге реальные люди или события? Возможно, кто-то воспринял твою книгу как личную угрозу...

Эрика не сводила глаз с Кристиана, который беспокойно ерзал на стуле. Сразу бросалось в глаза, что этот разговор ему в высшей степени неприятен.

— Нет, это художественно-литературное произведение, — проговорил он и поджал губы. — Никто не может сказать, что его изобразили в этой книге. Ты ведь читала рукопись? Похоже, что книга автобиографическая?

— Да нет, не сказала бы, — проговорила Эрика и пожала плечами. — Но я знаю, что писатель всегда невольно вплетает в повествование нити из собственной жизни, осознанно или неосознанно.

— Я же сказал — нет! — выпалил Кристиан, поднялся и оттолкнул стул.

Эрика поняла, что пора откланяться, и попыталась выбраться из кресла, однако законы физики были против нее, и единственным результатом ее усилий стали звуки, напоминающие лошадиное пофыркивание. Суровое лицо Кристиана несколько смягчилось, и он протянул ей руку.

— Наверняка это просто какой-то сумасшедший, который прослышал, что я пишу книгу, и у него возникли странные идеи, — произнес он уже куда спокойнее.

Эрика сомневалась в правдивости этих слов, но это было лишь смутное чувство, без всяких доказательств. Идя к машине, она в душе надеялась, что Кристиан не станет пересчитывать письма и не заметит, что их стало пять вместо шести. Уходя, Эрика тайком засунула одно из них к себе в сумочку. Она удивлялась собственному поступку, но раз уж Кристиан не хочет ничего рассказывать, она разберется в этом деле сама. Тон писем показался ей угрожающим — похоже, ее друг в опасности.

* * *

— Тебе пришлось отказать кому-нибудь из клиентов? — пробормотал Эрик, дотягиваясь губами до соска Сесилии. Она сладко застонала и растянулась на своей кровати. Ее парикмахерский салон располагался на идеальном расстоянии — на первом этаже того же дома.

— Тебе бы это точно понравилось, если бы я начала отказывать клиентам, чтобы освободить для тебя место в своем расписании. Откуда такая уверенность, что ты важнее всех?

— Но разве есть на свете более важные занятия? — усмехнулся он, щекоча языком ее грудь, и она притянула его к себе, будучи не в силах сдерживаться.

Потом она лежала рядом, положив голову на его руку, и жесткие волоски слегка щекотали ее щеку.

— Мне было так странно столкнуться вчера с Луизой и с тобой.

— Угу, — ответил Эрик и закрыл глаза. В постели с любовницей он не испытывал никакой потребности говорить о жене и своих отношениях с ней.

— Я очень хорошо отношусь к Луизе, — проговорила Сесилия, трогая волоски у него на груди. — И если бы она узнала...

— Но она не узнает! — резко оборвал ее Эрик и сел. — И никогда не узнает, будь уверена.

Сесилия подняла на него глаза, и он уже заранее понял, к чему она ведет.

— Рано или поздно ей придется обо всем узнать.

Эрик мысленно вздохнул. Ну почему всегда так некстати начинаются дискуссии о будущем? Он спустил ноги с кровати и стал натягивать на себя одежду.

— Ты уже уходишь? — спросила Сесилия, и обиженное выражение на ее лице еще больше рассердило Эрика.

— У меня много дел на работе, — сухо ответил он и застегнул рубашку. Его ноздри ощущали характерный запах, остающийся после занятий сексом. Впрочем, он сможет принять душ в офисе. У него в шкафу хранился запасной комплект одежды — как раз на такой случай.

— Ты считаешь, что все так и должно быть?

Сесилия полулежала на постели, и Эрик не мог отвести глаз от ее обнаженного тела. Большие темные соски на ее упругой груди снова набухли от прохладного воздуха в комнате. Он быстренько прикинул в уме. На самом деле на работе у него не было никаких срочных дел, и он ничего не имел против продолжения. Правда, теперь придется пуститься в уговоры, но возбуждение, уже возникшее в теле, подсказывало ему, что овчинка стоит выделки. Он присел на край кровати, смягчил голос и выражение лица, протянул руку и погладил Сесилию по щеке.

— Сесилия... — проговорил он, и далее с его языка стали легко срываться слова, которые он уже так много раз говорил ей раньше. Когда она в ответ крепко прижалась к нему, он почувствовал сквозь рубашку прикосновение ее груди и начал снова расстегивать пуговицы.

* * *

После запоздалого обеда в ресторанчике «Погребок» Патрик припарковал машину перед длинным белым зданием, которому явно не грозила победа в архитектурном конкурсе, и вошел в холл полицейского отделения Танумсхеде.

— К тебе посетительница, — сказала Анника, взглянув на него поверх очков.

— Кто?

— Не знаю, но она очень хороша собой. Правда, немного полновата. Но тебе она точно понравится.

— Ты о чем? — удивленно переспросил Патрик, недоумевая, с каких это пор Анника стала заниматься сводничеством.

— Да ты пойдй посмотри сам, она сидит у тебя в кабинете, — сказала Анника и подмигнула ему.

Патрик подошел к двери своего кабинета и замер на пороге.

— Привет, моя дорогая! Что ты здесь делаешь?

Эрика сидела возле его стола на стуле для посетителей и рассеянно перелистывала журнал «Полиция».

— Как ты долго! — проговорила она, не отвечая на вопрос. — Стало быть, вот как выглядит напряженный рабочий день добросовестного полицейского?

Патрик лишь хмыкнул. Он прекрасно знал, что Эрика обожает над ним подтрунивать.

— Ну, так что привело тебя сюда? — спросил он, садясь на свое место.

Чуть подавшись вперед, он посмотрел на жену и в очередной раз осознал, какая же она красивая. Патрик помнил ее первый приход к нему в полицейский участок — в связи с убийством ее подруги Александры Викнер, — но с тех пор Эрика только похорошела. В суете буден он иногда забывал об этом. Жизнь крутилась по заведенному кругу: отвезти дочку в садик, поехать на работу, забрать из садика, съездить в магазин за продуктами и под конец дня — поздние часы в усталости перед телевизором. И так дни складывались в месяцы, но иногда его снова поражало как громом, и он понимал, как возвышенна его любовь к жене. И теперь, когда она сидела перед ним в кабинете, храня в своем чреве двоих детей, а зимнее солнце, проникавшее через окно, золотило ее светлые волосы, чувства настоль-

ко переполняли его, что этих минут, казалось, хватит на всю жизнь.

Патрик осознал, что не слышал ответа Эрики, и попросил ее повторить.

— Я сказала, что была у Кристиана и разговаривала с ним.

— Ну и как он?

— Вроде бы ничего, хотя... — Она закусила губу.

— Хотя — что? Я подумал, что он просто немного перебрал вчера на нервной почве.

— Да нет, это еще не вся правда.

Эрика осторожно достала из сумочки полиэтиленовый пакет и протянула его Патрику.

— Карточку принесли вчера вместе с букетом цветов. А письмо — одно из тех, которые приходили ему в последние полтора года.

Патрик посмотрел на жену долгим взглядом и начал открывать пакет.

— Думаю, будет лучше, если ты попытаешься прочесть их, не вынимая. К ним уже прикасались и я, и Кристиан — новые отпечатки пальцев ни к чему.

Он снова кинул на нее многозначительный взгляд, однако последовал ее совету и прочел содержание писем через полиэтилен.

— Как бы ты это истолковал? — поинтересовалась Эрика, чуть подвинувшись вперед на сиденье, но тут же вынуждена была перераспределить свой вес по-другому, ибо стул чуть не перевернулся.

— Ну, звучит как угроза. Хотя и не прямая.

— Да, мне показалось именно так. И сам Кристиан точно воспринимает эти письма как угрозу, хотя и утверждает, что все это ерунда. Он категорически не хотел показывать письма полиции.

— Так, значит, это?.. — Патрик поднес пакет к лицу Эрики.

— Ай-ай-ай, они случайно завалились ко мне в сумку. Какая неуклюжесть с моей стороны!

Она склонила голову набок и напустила на себя самый невинный вид, но ее мужа не так легко было сбить с толку.

— Стало быть, ты украла их у Кристиана?

— Что значит — украла? Я их ненадолго одолжила.

— И как, по твоему мнению, я должен теперь поступать с этими... одолженными материалами? — спросил Патрик, прекрасно понимая, каков будет ответ.

— Кто-то угрожает Кристиану, и тот боится — я заметила это сегодня по его поведению. Для него все это очень серьезно. Почему он не желает обращаться в полицию, я до конца не понимаю, но, может быть, ты сможешь осторожно выяснить, нет ли на карточке и письме отпечатков пальцев?

Голос Эрики звучал умоляюще, и Патрик уже понимал, что ему придется капитулировать. Когда Эрика в таком настроении, ее невозможно переспорить — в этом он уже не раз имел возможность убедиться.

— Ну ладно, ладно, — проговорил он и поднял руки вверх. — Сдаюсь. Посмотрим, можно ли там что-нибудь найти. Но это не первый приоритет.

Эрика улыбнулась.

— Спасибо, мой дорогой!

— А теперь отправляйся домой отдыхать! — скомандовал Патрик и, не удержавшись, наклонился к жене и поцеловал ее.

Когда она ушла, он стал в растерянности вертеть в руках пакет с угрожающими письмами. Мозг работал туго, однако какие-то мысли в нем зашевелились. Кристиан и Магнус дружили. А вдруг?.. Он немедленно отогнал от себя эту мысль, но она тут же снова возвратилась, и он посмотрел на фотографию на стене. А что, если связь все же существует?

* * *

Бертиль Мелльберг толкал впереди себя коляску. Лео, как обычно, сидел в коляске, довольный жизнью, и время от времени улыбался, обнажая два зубика на нижней челюсти.

Эрнсту пришлось сегодня остаться в участке, хотя обычно он тоже послушно трусил рядом с коляской, охраняя от малейшей угрозы того, кто и для него стал центром вселенной. Для Мелльберга это было именно так.

Бертиль и не подозревал, что в состоянии испытывать такие сильные чувства. С тех пор как ему довелось присутствовать при родах и первым взять в руки крошечное существо, Лео крепко держал его за сердце своей маленькой ручкой. Ну, строго говоря, бабушка Лео тоже вполне успешно проложила путь к сердцу Мелльберга, но в его списке значимых людей Лео, вне всяких сомнений, занимал сейчас первое место.

Мелльберг неохотно направился в сторону полицейского участка. На самом деле в обеденный перерыв за малышом должна была присмотреть Паула, чтобы дать возможность подруге Юханне отправится по своим делам. Но Пауле пришлось срочно выехать на дом к одной женщине, к которой собрался в гости бывший муж с целью «выбить из нее всю дурь», и Мелльберг тут же с готовностью вызвался погулять с Лео. А теперь ему так не хотелось возвращать малыша назад. Бертиль ужасно завидовал Пауле, которая скоро возьмет отпуск по уходу за ребенком. Он и сам с удовольствием сократил бы свое пребывание на работе, чтобы проводить больше времени с Лео. Кстати, неплохая идея — как начальник и руководитель он должен дать своим подчиненным возможность развиваться. Кроме того, маленькому Лео с самого начала нужен мужской образец для подражания. С двумя мамами и полным отсутствием папы следовало бы подумать о благе ребенка и дать ему возможность пообщаться с настоящим мужчиной. Например, с таким, как он — Мелльберг.

Придержав бедром тяжелую дверь участка, Бертиль втянул за собой коляску. Анника просияла, увидев их, а Мелльберг буквально раздулся от гордости.

— А, я смотрю, у вас была небольшая прогулка, — сказала Анника и поднялась, чтобы помочь Мелльбергу с коляской.

— Да, девочкам понадобилась моя помощь, — ответил Мелльберг и стал осторожно снимать с малыша верхнюю одежду. Анника с улыбкой наблюдала за ним. Кто сказал, что чудес не бывает?

— Ну пошли, малыш, посмотрим, здесь ли мамочка, — ласково проговорил Мелльберг и взял Лео на руки.

— Паула еще не вернулась, — сказала Анника, возвращаясь за свой стол.

— Ай-ай, как жаль! Значит, придется тебе еще некоторое время пообщаться с дедушкой, — с удовольствием произнес он и направился в сторону кухни, неся Лео на руках. Девочки сами это предложили, когда он пару месяцев назад переехал к Рите — называть его дедушкой Бертилем. И теперь он пользовался всяким удобным случаем, чтобы произнести это слово, привыкнуть к нему, насладиться им. Дедушка Бертиль.

* * *

Людвигу исполнилось тринадцать, и Сия изо всех сил старалась делать вид, что это самый обычный день рождения. Тринадцать лет. Столько лет прошло с того дня, когда она еще в роддоме со смехом отметила невероятное сходство между отцом и сыном. За все эти годы оно не исчезло, а даже усилилось. И вот теперь из-за этого сходства она в самые тяжелые минуты едва могла заставить себя поднять глаза на Людвига. Снова и снова увидеть эти карие глаза с чуть заметным зеленоватым оттенком, светлые волосы, которые уже в начале лета выгорали и становились почти белыми. И фигурой, и движениями Людвиг напоминал Магнуса. Высокий, жилистый, а его ладони, когда он клал их ей на плечи, были такими же, как у отца.

Дрожащими руками Сия пыталась вывести имя сына на торте. И это тоже роднило отца с сыном. Магнус мог в одиночку одолеть целый торт «Принцесса», и, что особенно несправедливо, это никак не сказывалось на его фигуре.

Самой ей достаточно было посмотреть на булочку с корицей, чтобы сразу поправиться на полкило. Зато теперь она стала такой стройной, какой всегда мечтала быть. С исчезновением Магнуса она теряла килограмм за килограммом. Еда буквально не лезла в рот. А ком в животе, который не проходил с самого утра, когда она просыпалась, и до самого вечера, когда она укладывалась и забывалась тревожным сном, оставлял место лишь для крошечных порций. Впрочем, сейчас она менее всего заботилась о своей внешности — даже и не смотрела на себя в зеркало. Какое это имело значение, если Магнуса нет рядом?

Иногда она желала, чтобы он умер у нее на глазах. Чтобы его хватил инфаркт или переехала машина. Все, что угодно, лишь бы она знала, что случилось, и могла бы заниматься практическими делами, такими, как организация похорон, решением вопроса о наследстве и всем прочим, что обычно требуется, когда кто-то умирает. Тогда, возможно, боль обожгла бы ее нестерпимым жаром, но потом понемногу стихла, оставив лишь глухое чувство утраты вперемешку со светлыми воспоминаниями.

Ей же не осталось ничего, лишь огромная пустота. Он просто исчез, скорбь зависла в воздухе, и не было никакой возможности идти дальше. Работать она была не в состоянии и не представляла, сколько еще времени проведет на больничном.

Она посмотрела на торт. Из глазури получилось какое-то месиво. В тех неравномерных кучках, которые покрывали марципановую поверхность, ничего невозможно было прочесть, и это, казалось, отняло у нее последние силы. Она села прямо на пол, привалившись спиной к холодильнику, и слезы неудержимо потекли по щекам.

— Мама, не плачь!

Сия почувствовала ладонь на своем плече. Это была ладонь Магнуса. Нет, Людвига. Сия потрясла головой. Реальность ускользала от нее, и ей хотелось разжать руки, чтобы погрузиться в поджидающую ее темноту. Теплую,

мягкую темноту, которая окружила бы ее навсегда, если бы она только позволила это. Сквозь слезы она увидела карие глаза и светлую челку сына и поняла, что не имеет права сдаваться.

— Торт! — всхлипнула она, пытаясь встать. Людвиг помог ей подняться, а затем ласково отобрал у нее тубик с глазурию.

— Я сам все сделаю, мамочка. Пойди отдохни, я разберусь с тортом.

Он погладил ее по щеке — тринадцатилетний мальчик, но уже не ребенок. Он уже вошел в роль отца, стал Магнусом, ее опорой и защитой. Сия понимала, что не должна позволять ему брать на себя эту роль — он еще слишком мал. Но сейчас у нее не осталось сил ни на что, и она с благодарностью отдала ему лидерство.

Она вытерла глаза рукавом, а Людвиг тем временем достал большой нож и аккуратно соскоблил липкие комки с праздничного торта. Последнее, что увидела Сия, выходя из кухни, — как ее сын сосредоточенно выводил на торте букву Л — первую букву своего имени.

— Ты знаешь, что ты мой самый любимый мальчик? — сказала мама, осторожно расчесывая ему волосы.

В ответ — лишь кивок. Да, он это знал. С того самого дня, как они пришли и забрали его к себе, она раз за разом повторяла ему это, и он готов был слушать ее до бесконечности. Иногда он вспоминал о прошлом. О мрачных часах одиночества. Но стоило ему посмотреть на прекрасное существо, которое звалось его матерью, — и все отступало, развеивалось в прах. Казалось, ничего этого и не было никогда.

Он только что помылся, и мать закутала его в зеленый махровый халат с желтыми цветами.

— Хочешь мороженого, мой дорогой?

— Ты его слишком балуешь, — донесся от двери голос отца.

— А что плохого в том, что я его балую? — спросила мать.

Он еще плотнее закутался в махровый халат и натянул на голову капюшон, чтобы спрятаться от этого сурового тона и слов, которые эхом отдались в кафельной ванной. От той черноты, которая снова взбаламутилась в нем.

— Я просто хотел сказать, что ты оказываешь ему медвежью услугу, балуя его.

— Ты хочешь сказать, что я не знаю, как воспитывать нашего сына?

Глаза матери почернели, стали бездонными. Казалось, она хочет испепелить отца взглядом. И, как обычно, ее гнев заставил отца растаять. Когда она поднялась и шагнула к нему, он словно уменьшился. Сгорбился, сделался маленьким. Маленький серый отец.

— Ты наверняка знаешь лучше меня, — пробормотал он, повернулся и ушел, глядя в пол. Затем до них донесся звук надеваемых ботинок в прихожей, а потом закрылась входная дверь. Отец опять отправился на прогулку.

— Мы не будем обращать на него внимания, — шепнула мать ему в ухо, спрятанное под зеленым капюшоном. — Мы с тобой любим друг друга. Только ты и я.

Он прижался к ней, как маленький зверек, давая себя утешить.

— Только ты и я, — прошептал он.

— Нет! Не хочу!

Так кричала Майя, используя тем самым значительную часть своего небогатого словарного запаса, когда утром в пятницу Патрик предпринял отчаянную попытку передать ее на попечение воспитательницы Эвы. Дочь вцепилась в его брючину и выла, так что в конце концов ему пришлось отцеплять ее пальцы по одному. Сердце его разрывалось, когда ее уносили, а она тянула к нему ручки. Ее полный слез зов: «Па-а-па-а!!!» — отдавался у него в голове по пути к машине. Затем он долго сидел, держа ключ от зажигания в руках и глядя остановившимся взглядом сквозь лобовое стекло. Этот кошмар продол-

жался уже два месяца — Майя наверняка так реагирует на беременность Эрики.

Каждое утро ему приходилось принимать бой. Он сам предложил, что будет отводить дочку в садик. Эрике было слишком тяжело одевать и раздевать Майю, а уж о том, чтобы наклониться и помочь ей застегнуть сандалики, и речи быть не могло. Так что альтернативы все равно не существовало. Но как это все изматывало, тем более что концерт начинался задолго до прихода в детский сад. Еще дома, когда он начинал одевать ее, Майя цеплялась за его руки и упрямылась, и он со стыдом вынужден был признать, что пару раз хватал ее так грубо, что она начинала вопить на весь дом. После таких эпизодов он чувствовал себя самым никудышным отцом на свете.

Усталым жестом проведя рукой по глазам, Патрик глубоко вздохнул и завел машину. Но вместо того, чтобы направиться в сторону Танумсхеде, повинувшись случайному импульсу, свернул к виллам позади холма. Припарковав машину у дома Кельнеров, он нерешительным шагом приблизился к двери. Конечно, нужно было заранее предупредить о своем визите, но теперь он уже приехал на место. Подняв руку, Патрик постучал костяшками пальцев в белую дверь. На ней по-прежнему висел рождественский венок. Никто не удосужился убрать его или заменить чем-нибудь другим.

Внутри дома не раздавалось ни звука, так что Патрик постучал еще раз. Может быть, никого нет дома? Но вот послышались шаги, и Сия открыла дверь. При виде его все ее тело сжалось, и он поспешно покачал головой.

— Нет-нет, у меня нет никаких вестей, — проговорил он, и оба понимали, что он имеет в виду.

Ее плечи опустились, она отступила на шаг, пропуская его в дом. Патрик снял ботинки и повесил куртку на единственный свободный крючок — все остальные были заняты подростковой одеждой.

— Я решил зайти и немного побеседовать, — сказал он и сразу почувствовал себя неуверенно. Как он изложит свои весьма смутные домыслы?

Сия кивнула и пошла в кухню, расположенную справа от прихожей. Патрик последовал за ней. Он уже не раз бывал в этом доме. В первые дни после исчезновения Магнуса они сидели на кухне за деревянным столом, раз за разом обсуждая все подробности. Задавали вопросы достаточно личного характера — однако все это перестало быть личным делом семьи в тот момент, когда Магнус Кельнер вышел из дверей своего дома, чтобы больше не вернуться.

Дом не изменился. Уютный и обычный, немного небрежный — везде виднелись следы пребывания подростков. Но в прошлый раз, когда они сидели тут, в воздухе витала надежда. Теперь же все было проникнуто безнадежностью. Даже фигура Сии.

— У меня есть немного торта. У Людвига вчера был день рождения, — проговорила Сия без всякого выражения, поднялась и достала из холодильника четверть торта «Принцесса». Патрик попытался возразить, но Сия уже начала ставить на стол блюдца и доставать ложки, и Патрик смирился с мыслью, что сегодня у него на завтрак будет торт.

— Сколько ему исполнилось? — спросил Патрик, отрезая самый тоненький кусочек торта.

— Тринадцать, — ответила Сия, и чуть заметная улыбка тронула ее губы, когда она положила себе маленький кусочек. Патрику хотелось бы заставить ее есть побольше, учитывая, насколько она исхудала в последние месяцы.

— Хороший возраст. Или не очень? — проговорил Патрик и почувствовал, насколько неестественно звучит его голос.

— Он так похож на отца, — проговорила Сия, и ее ложка зазвенела о блюдце. Отложив ложку, она взглянула на Патрика. — Так с чем ты пришел?

Он откашлялся.

— Вполне возможно, что это всего лишь пустые умозаключения, но ты ведь не раз просила нас сделать все возможное, так что извини, если я...

— Говори прямо, в чем дело, — прервала его Сия.

— У меня возникла одна мысль. Магнус общался с Кристианом Тюделем. Откуда они знали друг друга?

Сия бросила на него удивленный взгляд, но не задала встречного вопроса, а задумалась.

— Даже не знаю. Мне кажется, они познакомились вскоре после того, как Кристиан переехал сюда вместе с Санной. Она ведь родом отсюда. Это было лет семь назад. Да, так и есть, потому что вскоре Санна забеременела Мелькером, а ему сейчас пять.

— Так они познакомились через тебя и Санну?

— Нет, Санна ведь на десять лет моложе меня, так что мы с ней раньше не общались. Честно говоря, даже не помню, как это произошло. Помню только, как однажды Магнус предложил пригласить их к нам на ужин, и после этого мы довольно много общались. У нас с Санной не так много общего, но она очень милая, а Элин и Людвиг с удовольствием возятся с их мальчишками. И уж, во всяком случае, Кристиан мне нравится куда больше, чем другие дружки Магнуса.

— Кого ты имеешь в виду?

— Его друзей детства, Эрика Линда и Кеннета Бенгтссона. Я поддерживала отношения с ними и их женами только ради Магнуса. Мне кажется, они такие разные...

— А Магнус и Кристиан? Они были близкими друзьями?

Сия улыбнулась.

— Мне кажется, у Кристиана не может быть близких друзей. Он немного себе на уме и ни перед кем не раскрывается. Но с Магнусом он держался совсем по-другому. Мой муж всегда оказывал на людей такое действие. Все его любили. В его присутствии все как-то расслаблялись.

Она мучительно сглотнула, и Патрик заметил, что она впервые заговорила о муже в прошедшем времени — как будто его больше нет.

— Кстати, почему ты спрашиваешь о Кристиане? — встревоженно спросила Сия. — С ним ничего не случилось?

— Нет-нет, ничего серьезного.

— Я слышана о том, что произошло на презентации его книги. Меня тоже пригласили, но мне показалось так странно идти туда одной, без Магнуса. Надеюсь, Кристиан не обиделся на меня за то, что я не пришла.

— Вряд ли он мог на тебя обидеться, — проговорил Патрик. — Зато складывается впечатление, что кто-то регулярно посылал ему письма угрожающего содержания, и это продолжается уже больше года. Возможно, я просто хватаюсь за последнюю соломинку, но я все же хотел спросить тебя, не получал ли Магнус чего-нибудь в этом духе. Они знали друг друга — возможно, где-то есть какая-то связь.

— Угрожающие письма? — переспросила Сия. — Неужели ты думаешь, что я могла не рассказать о таком? Зачем бы мне скрывать факты, которые могли бы помочь вам выяснить, что произошло с Магнусом?

Ее голос зазвучал громче и резче.

— Я совершенно уверен, что ты рассказала бы нам, если бы что-то знала, — поспешил заверить ее Патрик. — Но, может быть, Магнус ничего не говорил тебе, чтобы тебя не волновать?

— Тогда как я могла бы тебе об этом рассказать?

— Мой опыт подсказывает мне, что жены всегда все чувствуют, даже когда им ничего не рассказывают. Во всяком случае, моя жена точно видит меня насквозь.

Сия снова улыбнулась.

— Да, тут ты совершенно прав. Действительно, я заметила бы, если бы что-то тяготило Магнуса. Но он вел себя так же беззаботно, как всегда. Это был самый спокойный и надежный человек на свете, почти всегда пребывающий в хорошем настроении. Иногда меня это дико раздражало,

и я даже пыталась его спровоцировать, когда у меня самой было плохое настроение. Но мне это ни разу не удалось. Магнус оставался верен себе. Если бы его что-то взволновало, он бы первым делом поговорил со мной, но даже если бы он вдруг решил этого не делать, я бы все равно заметила, что что-то не так. Он знал обо мне все, и я знала о нем все. У нас не было друг от друга тайн.

Голос ее звучал решительно, и Патрик понимал, что она говорит с большой убежденностью, однако это не развеяло его сомнения. Невозможно все знать о другом человеке — даже о том, с кем живешь и кого любишь.

Он посмотрел на нее.

— Прости, если моя просьба покажется тебе нескромной, но можно мне осмотреть дом? Хочу составить себе более точное представление о том, каким был Магнус.

Хотя они уже начали говорить о Магнусе так, словно его не было в живых, Патрик тут же пожалел о своей формулировке. Но Сия не стала комментировать его слова. Сделав жест в сторону двери, она сказала:

— Можешь смотреть сколько хочешь. Я хочу сказать — делайте все, что считаете нужным, задавайте любые вопросы, только бы вы разыскали его.

Резким движением она вытерла тыльной стороной ладони слезу, притаившуюся в уголке глаза.

Патрику показалось, что ей хотелось бы немного побыть одной, и он поднялся. Для начала он зашел в гостиную. Здесь все выглядело так же, как в тысячах других шведских домов. Большой синий диван от ИКЕА. Книжная полка «Билли» со встроенным освещением. Телевизор с плоским экраном на тумбочке из того же светлого дерева, что и журнальный столик. Безделушки, сувениры из поездок, фотографии детей в рамочках. Патрик приблизился к большой свадебной фотографии, висевшей над диваном. Это был не традиционный застывший портрет — Магнус во фраке лежал на боку в траве, подперев голову рукой, а ослепительно улыбающаяся Сия стояла позади него в свадебном платье

с воланами и обборками, решительно поставив на Магнуса каблучок своей туфельки.

— Наши родители пришли в полный ужас, когда увидели эту фотографию, — произнесла у него за спиной Сия, и Патрик обернулся.

— Да, необычное фото, — пробормотал он и еще раз взглянул на снимок. После переезда во Фьельбаку Патрик несколько раз встречался с Магнусом, однако они лишь перебрасывались парой вежливых фраз. Теперь, разглядывая его открытое, радостное лицо, Патрик подумал, что такого человека действительно все должны любить.

— Можно мне подняться наверх? — спросил он. Сия, которая стояла, прислонившись к косяку, молча кивнула.

На лестнице тоже висели фотографии, и Патрик остановился, разглядывая их. Они свидетельствовали о богатой впечатлениями жизни, где семья занимала главное место. Невозможно было не заметить, что Магнус Кельнер очень гордится своими детьми. От одной фотографии внутри у Патрика все сжалось. Снимок был сделан где-то в отпуске — Магнус стоял, обнимая обеими руками Элин и Людвига. Он улыбался и смотрел в объектив таким счастливым взглядом, что Патрику стало больно это видеть. Он отвернулся и поднялся на второй этаж.

Первые две комнаты принадлежали детям. Комната Людвига поражала царившим в ней безукоризненным порядком. Никакой разбросанной на полу одежды, кровать застелена, письменные принадлежности на столе расставлены и разложены в идеальном порядке. Много свидетельствовало о его спортивных интересах. На почетном месте над кроватью красовалась футболка шведской сборной с автографом Златана¹. В остальном доминировали изображения футбольной команды «Гётеборг».

— Людвиг и Магнус часто ходили вместе на их матчи.

¹ Нападающий сборной Швеции Златан Ибрагимович.

Патрик вздрогнул. Снова голос Сии застал его врасплох. По всей видимости, она обладала способностью передвигаться легко и бесшумно, потому что он совершенно не слышал ее шагов по лестнице.

— Большой любитель порядка, — проговорил он.

— Да, как его отец. У нас дома именно Магнус делал уборку. Я не такая аккуратная. Если ты заглянешь в другую комнату, то сразу поймешь, кто из детей уродился в меня.

Патрик открыл дверь в соседнюю комнату, несмотря на предупреждающую табличку, на которой красовалась надпись огромными буквами: «БЕЗ СТУКА НЕ ВХОДИТЬ!»

— Ой! — воскликнул он и отшатнулся.

— Да уж, «ой» — самое подходящее слово, — вздохнула Сия и скрестила руки на груди, словно стараясь сдержаться и не кинуться убирать развал. Ибо в комнате Элин царил чудовищный хаос. К тому же все здесь было розовое.

— Я надеялась, что с годами эта любовь к розовому цвету пройдет, но она, напротив, лишь усиливается. И от нежно-розового произошел переход к ядовито-розовому.

Патрик заморгал. Неужели через несколько лет и комната Майи будет выглядеть таким же образом? А что, если близнецы тоже окажутся девочками? Он просто захлебнется в розовом.

— У меня давно опустились руки. Прошу ее закрывать дверь в свою комнату, чтобы мне всего этого не видеть. Только иногда делаю выборочные проверки — чтобы по крайней мере не возникал запах разложившегося трупа.

Она сама вздрогнула, произнесла слово «труп», но тут же продолжала:

— Для Магнуса уже сама мысль о том, что творится в ее комнате, была невыносима. Но я уговорила оставить ее в покое. Я сама такая и понимаю, что словами тут ничего не добьешься. Сама я начала более-менее поддерживать порядок, когда стала жить отдельно от родителей. Думаю, и с Элин будет так же.

Она закрыла дверь и указала на комнату в конце коридора:

— Вон там наша спальня. Вещи Магнуса я не трогала.

Первое, что бросилось в глаза Патрику, — у Кельнеров было такое же постельное белье, как и у них с Эрикой. Белое в синюю клетку, купленное в ИКЕА. От этого ему почему-то стало совсем тяжело на душе. Он почувствовал себя уязвимым.

— Магнус спал на той половине, что ближе к окну.

Патрик подошел к дальней половине кровати. Он предпочел бы осмотреть спальню в одиночестве. Сейчас его не покидало чувство, что он вторгается в чужую жизнь, в чужое личное пространство, не предназначенное для посторонних глаз, и оно лишь усиливалось от того, что Сия стояла в дверях и наблюдала за ним. Он понятия не имел, что именно ищет. Просто у него была потребность приблизиться к Магнусу Кельнеру, увидеть в нем человека, а не только фотографию на стене в своем рабочем кабинете. Взгляд Сии по-прежнему буравил ему спину, и в конце концов он обернулся к ней.

— Не обижайся, пожалуйста, но можно я немного осматрюсь здесь в одиночестве?

В душе он очень надеялся, что она поймет его.

— Конечно же, извини, — проговорила она и улыбнулась. — Понимаю, что мое присутствие за спиной тебе мешает. Я пойду вниз, займусь делами. Чувствуй себя совершенно свободно.

— Спасибо! — ответил Патрик и присел на край кровати.

Для начала он обследовал прикроватную тумбочку. Очки, пачка листов, которые оказались рукописью «Русалки», пустой стакан и упаковка «Алведона» — вот и все, что он увидел на ней. Выдвинув ящик, Патрик осторожно заглянул внутрь. Но и там не оказалось ничего достойного внимания. Книга в бумажной обложке — «Солнечная буря» Осы Ларссон, упаковка затычек для ушей и пакетик с ментоловыми конфетами.

Патрик поднялся и подошел к шкафу, который занимал собой всю торцевую стену комнаты. Он усмехнулся, когда открыл раздвижные двери и увидел еще одну иллюстрацию того, что Сия называла разным отношением к уборке. В той половине шкафа, которая была расположена ближе к окну, царил безукоризненный порядок. Все вещи лежали аккуратно свернутыми, носки, трусы, галстуки и ремни разложены по отдельным корзинкам. Выше висели наглаженные рубашки, джемпера и футболки. При виде футболок, развешенных на вешалках, у Патрика голова пошла кругом. Сам он имел обыкновение затолкать их в ящик комода, чтобы потом ворчать по поводу того, что они мятые, когда снова настает черед их надевать.

В этом смысле половина шкафа, принадлежавшая Сие, больше походила на его систему: здесь все было набросано вперемешку, как попало, словно кто-то лишь на минуту открыл двери, наспех побросал вещи внутрь и снова закрыл.

Закрыв раздвижные двери, он посмотрел на кровать. В том, что только одна половина была застелена, таилось нечто невыносимо горькое. Он задумался над тем, можно ли привыкнуть спать на двуспальной кровати, когда вторая половина пустует. Уже сама мысль о том, чтобы спать одному, без Эрики, казалась невозможной.

Когда он спустился в кухню, Сия убирала со стола посуду. Она бросила на него вопросительный взгляд, и он проговорил:

— Спасибо, что ты разрешила мне осмотреть дом. Не знаю, будет ли это иметь значение для следствия, но теперь я чуть больше знаю о Магнусе и о том, каким он был... какой он есть.

— В любом случае это имеет значение. Для меня.

Попрощавшись, он вышел на улицу. Остановился на крыльце и еще раз посмотрел на увядший веночек, висевший на двери. После секундного колебания он снял его с гвоздя. Магнус, большой любитель порядка, вне всяких сомнений, убрал бы его.

Дети вопили невыносимо громко. Звук отдавался эхом в стенах кухни, и Кристиану казалось, что голова у него сейчас лопнет. Он не спал несколько ночей. Мысли бесконечно роились в голове, и только он отбрасывал одну, как появлялась другая.

У него даже возникала мысль отправиться в свою камеру в рыбацкой хижине и сесть писать. Но в тишине и мраке ночи тени прошлого разгулялись бы еще сильнее, и никакие словесные формулировки не заставили бы их замолчать. Поэтому он оставался неподвижно лежать в постели, глядя в потолок, в то время как безнадежность подступала со всех сторон.

— Ну-ка прекратите! — прикрикнула Санна, разнимая мальчишек, дерущихся из-за пакета какао, который оказался слишком близко к ним. Затем она повернулась к Кристиану, который сидел, глядя в одну точку, так и не притронувшись ни к бутерброду, ни к кофе.

— Было бы очень мило, если бы ты тоже поучаствовал.

— Я очень плохо спал, — проговорил он и отпил глоток остывшего кофе. Поморщился, встал, вылил его в раковину и налил себе нового, добавив в него немного молока.

— Понимаю, что у тебя сейчас много дел, и ты как никто знаешь, что я поддерживала тебя все то время, пока ты работал над книгой. Но даже и моему терпению может наступить предел.

Санна отобрала ложку у Нильса как раз в тот момент, когда тот намеревался ударить ею по лбу старшего брата, и бросила ее в мойку. Затем вздохнула, словно собираясь с силами, готовясь дать волю всему, что так долго копилось на душе. Кристиану более всего хотелось сейчас нажать на «паузу», чтобы отложить этот разговор, на который у него не было сил.

— Я не говорила ни слова, когда ты шел с работы прямо в свою писательскую хижину и сидел весь вечер за письмен-

ным столом. Я забирала детей из садика, готовила ужин, кормила их, прибиралась, чистила с ними зубы, читала им сказку и укладывала их спать. Все это я делала день за днем, не жалуясь, в то время как ты мог преспокойно посвятить себя своему бесценному творчеству!

В последних словах слышался сарказм, которого он никогда раньше у нее не замечал. Кристиан закрыл глаза, пытаясь отвлечься от тех слов, которые она бросала ему в лицо. Но она неумолимо продолжала:

— И я безумно рада, что все идет так хорошо. Что книгу издали и что тебе прочат большое будущее. Все это очень здорово, и ты заслужил каждую минуту славы. Но как же я? Какое место в твоём успехе отведено мне? Меня никто не похвалит, никто не посмотрит на меня и не скажет: «Черт подери, Санна, какая же ты молодец! Как повезло Кристиану, что у него есть ты». И ты сам никогда мне такого не говоришь. Ты считаешь совершенно естественным, что я буду вкалывать, делать всю работу по дому, заниматься детьми, в то время как ты будешь заниматься тем, что «велит тебе долг».

Она взмахнула руками в воздухе, цитируя его слова.

— Естественно, я все это делаю. Я готова и дальше тащить весь воз. Ты знаешь, что я люблю возиться с детьми, но мне тем не менее иногда бывает тяжело. И мне всего лишь хотелось бы услышать от тебя хоть слово благодарности. Неужели я требую слишком многого?

— Санна, не при детях, — пробормотал Кристиан, но тут же почувствовал неуместность этих слов.

— Конечно же, у тебя всегда есть отговорки, почему ты не хочешь со мной разговаривать, не воспринимаешь меня всерьез! Либо ты устал, либо у тебя нет времени, потому что ты должен дописать книгу, либо ты не желаешь разговаривать при детях, либо у тебя найдется еще тысяча причин!

Мальчики сидели притихшие, испуганно переводя глаза с него на Санну, и Кристиан почувствовал, как на место усталости пришел гнев.

Эту черту в поведении Санны он терпеть не мог, и они не раз с ней об этом говорили. Его раздражало, что она втягивала в их конфликты детей. Он понимал, что жена хочет сделать детей своими союзниками в том противостоянии, которое становилось все очевиднее. Но что он мог сделать? Все противоречия объяснялись тем, что он не любит Санну и никогда не любил ее. И она прекрасно это знала, хотя и не решалась признаться в этом даже себе самой. Отчасти он и выбрал ее потому, что она была не тем человеком, которого он мог бы полюбить. Во всяком случае, полюбить так, как...

Он ударил кулаком по столу, и Санна с детьми буквально подпрыгнули от неожиданности. От удара в руке возникла острая боль — как раз то, чего ему и хотелось. Боль отогнала все, о чем он не разрешал себе думать, и Кристиан почувствовал, что ситуация снова под контролем.

— Сейчас не время и не место спорить, — сказал он сухо, избегая смотреть в глаза Санне. Чувствуя спиной ее взгляд, пошел в коридор, надел куртку и ботинки и вышел на улицу. Последнее, что он услышал, захлопывая за собой дверь, — как Санна объясняла детям, что их папа полный идиот.

* * *

Более всего ее утомляла скука. Необходимость заполнять часы, пока дочери в школе, сколь-нибудь осмысленными занятиями. Дела находились всегда: чтобы жизнь Эрика текла ровно, без сучка и без задоринки, приходилось немало потрудиться. В шкафу всегда должны были висеть свежевystищенные, отутюженные рубашки, приемы для деловых партнеров необходимо было спланировать и провести по высшему разряду, а в доме все должно было блистать чистотой. Правда, у них была нанятая уборщица, которая приходила раз в неделю, но и между ее появлениями постоянно приходилось поддерживать порядок. Милли-

оны мелочей, которые должны были вовремя оказываться под рукой самым естественным образом, словно за этим и не стояла изрядная доля ее труда. Проблема заключалась лишь в том, что от такой жизни она готова была лезть на стенку. Ей нравилось сидеть дома, пока девочки были маленькие. Она любила возиться с малышами, даже подгузники меняла с удовольствием, чему Эрик не посвятил и секунды своего ценнейшего времени. Но ее все это не волновало, ибо тогда она ощущала себя нужной. Все было исполнено смысла. Именно она являлась центром их вселенной, она вставала по утрам раньше всех и зажигала для них солнце.

Теперь это чудесное время давно миновало. Дочери учились в старших классах, проводили большую часть времени с друзьями или в кружках, а на мать все больше смотрели как на обслуживающий персонал. Как и их отец. К своему глубочайшему разочарованию, она наблюдала, какими избалованными становятся дочери. Компенсируя свое неучастие в их жизни, Эрик вместо этого покупал им все, на что бы они ни указали пальцем, а его презрение к ней постепенно передавалось и им.

Луиза провела рукой по столешнице в кухне. Итальянский мрамор, привезенный по спецзаказу. Эрик сам выбрал его во время одной из своих командировок. Ей мрамор не нравился. Слишком холодный и твердый. Будь у нее возможность выбирать, она предпочла бы дерево, например, темный дуб. Она открыла одну из безукоризненно ровных, блестящих дверей кухонного шкафа. Опять холод, вкус без чувства. К своей рабочей поверхности из темного дуба она выбрала бы белые фасады в деревенском стиле, окрашенные вручную, чтобы следы кисточки виднелись на поверхности, придавая ей жизнь и колорит.

Ладонь Луизы потянулась к большому бокалу для вина. Свадебный подарок родителей Эрика. Разумеется, ручной работы. Прямо за свадебным ужином она выслушала длинную лекцию матери Эрика о маленькой, но эксклюзивной

стеклодувной мастерской в Дании, где им сделали эти бокалы по особому заказу.

Что-то в ней встрепенулось, и пальцы сами собой разжались. Бокал разбился на тысячи осколков от удара о черную каменную плитку. Плитка, разумеется, тоже была итальянская. В этом, как и во многом другом, Эрик походил на своих родителей — отечественное его не устраивало. Чем больший путь проделала вещь, тем лучше. Конечно, если она приехала не из Тайваня. Луиза усмехнулась, переступила через осколки стекла и взяла новый бокал, направляясь к картонной упаковке с вином, стоявшей возле мойки. Эрик только фыркал, видя вино в «тетрапаке». Его интересовали только бутылки вина стоимостью в несколько сотен крон. Ему бы и в голову не пришло осквернять свои вкусовые рецепторы вином ценой по двести крон за пять литров. Иногда она втихомолку подливала в его бокал свое вино вместо тех роскошных французских или южноафриканских, которые распивались под длинные рассуждения об их превосходных качествах. Видимо, ее дешевое вино обладало теми же качествами, ибо он ни разу не заметил подмены.

Именно такие мелкие мстительные проделки позволяли ей выносить свое положение, не расстраиваться по поводу того, что он настраивает против нее дочерей и трахается с ее парикмахершей.

Луиза подставила бокал под краник, наполнила его до краев и чокнулась с собственным отражением в полированной стальной дверце холодильника.

* * *

Мысль о письмах не оставляла Эрику. В тревоге она бродила туда-сюда по дому, но в конце концов ей пришлось присесть за кухонный стол, когда ноющая боль в крестце стала невыносимой. Взяв блокнот и ручку, она поспешно записала то, что ей запомнилось из писем, которые она

видела дома у Кристиана. У нее была отличная память на тексты, так что ей, скорее всего, удалось восстановить все письма почти дословно.

Снова и снова перечитывая свои записи, она чувствовала, что с каждым разом короткие строчки кажутся ей все более и более угрожающими. У кого могли быть причины так ненавидеть Кристиана? Эрика только покачала головой. Невозможно было определить, кто написал письма — женщина или мужчина. Но что-то в их тоне, в строении фразы и выборе выражений наводило на мысль, что за ними стоит женщина. Это была женская ненависть, не мужская.

Поколебавшись, она потянулась к телефону, но потом отдернула руку. Вероятно, это глупая затея. Но прочтя слова в блокноте еще раз, она все же схватила мобильник и набрала номер, который знала наизусть, — Габи.

Директор издательства ответила после первого же сигнала.

— Привет, это Эрика.

— Эрика! — И без того резкий голос Габи поднялся еще на октаву, так что Эрике пришлось держать телефон на расстоянии от уха. — Как дела, дорогая? Детки еще не собрались выбраться на свет божий? Ты же знаешь, близнецы обычно рождаются раньше!

Казалось, Габи разговаривает на бегу.

— Нет, пока никаких предвестников, — ответила Эрика, стараясь сдержать раздражение. Она не понимала, почему все, как сговорившись, без конца повторяют ей, что близнецы обычно рождаются раньше срока. В любом случае она сама это скоро узнает. — Я звоню по поводу Кристиана.

— Да-да, как у него дела? — спросила Габи. — Я пыталась дозвониться до него, но его милашка жена отвечает, что его нет дома, во что я ни капли не верю. Ужасно, когда он вот так взял и рухнул в обморок. Завтра утром у него первая встреча с читателями с раздачей автографов, и мы должны как можно скорее знать, нужно ли ее отменять, что, конечно, было бы крайне нежелательно.

— Я встречалась с ним, и он вполне в состоянии завтра подписывать книги. По этому поводу ты можешь не волноваться, — проговорила Эрика и сделала паузу, готовясь перейти к главной теме. Сделав глубокий вдох, насколько позволял ее сильно сокращенный объем легких, она продолжала: — Я хотела спросить тебя об одном деле.

— Пожалуйста, спрашивай.

— В издательство не приходило ничего такого, что касалось бы Кристиана?

— Что ты имеешь в виду?

— Меня интересует, не приходили ли письма или сообщения по электронной почте для Кристиана или по поводу него. Угрожающего содержания.

— Письма с угрозами?

Эрика все больше чувствовала себя как ребенок, нажавшийся учительнице на одноклассника, но отступить было уже поздно.

— Дело в том, что в течение последних полутора лет Кристиан получал письма с угрозами — примерно с тех пор, как начал работать над книгой. И я вижу, что его это сильно беспокоит, хотя он и не желает в этом признаваться. Я подумала, что и в издательство могли прислать что-нибудь в этом духе.

— Боже мой, да что ты такое говоришь? Нет, нам ничего такого не приходило. А там написано, от кого они? Кристиан знает, кто их написал?

— Они анонимные, и мне показалось, что Кристиан не догадывается, от кого они. Но ты знаешь его — не факт, что он рассказал бы, даже если бы знал. Если бы не Санна, я бы вообще ничего не узнала. Его обморок на вчерашнем приеме связан с тем, что открытка на букете была от того же человека, который посылал ему письма.

— Просто безумие какое-то! Это как-то связано с книгой?

— Этот вопрос я задала самому Кристиану. Но он решительно заявляет, что никто не может чувствовать себя задетым тем, что написано в книге.

— Да уж, все это просто ужасно. Позвони мне, если выяснишь что-нибудь еще, хорошо?

— Постараюсь, — ответила Эрика. — И, пожалуйста, не говори Кристиану, что я тебе об этом рассказала.

— Разумеется, не скажу. Все это останется между нами. Буду строго следить за корреспонденцией, которая касается Кристиана. Сейчас, когда книга появится в продаже, письма пойдут.

— Приятно, что он получил такие отзывы критиков, — проговорила Эрика, чтобы сменить тему.

— Это просто потрясающе! — воскликнула Габи с энтузиазмом, так что Эрике снова пришлось держать трубку на расстоянии. — Я уже слышала краем уха разговоры, что его собираются выдвинуть на соискание премии Августа Стриндберга. Не говоря уже о том, что десять тысяч экземпляров уже отправились в магазины.

— Невероятно, — пробормотала Эрика, и ее сердце переполнилось гордостью. Она как никто знала, сколько труда вложил Кристиан в эту рукопись, и ее безгранично радовало, что усилия оказались небесплодными.

— Согласна, моя дорогая, — прощепетала Габи. — Прости, не могу больше говорить, мне нужно сделать пару срочных звонков.

Что-то в последней реплике Габи испортило Эрике настроение. Наверное, следовало сначала подумать, прежде чем звонить главе издательства. Подумать, успокоиться. Словно в подтверждение этой мысли, один из близнецов сильно пнул ее под ребра.

* * *

Это было такое странное чувство — счастье. Поначалу Анна долго привыкала к нему и не сразу научилась жить с ним. Но это было так давно, что теперь уже и не скажешь, было ли это на самом деле.

— Дай сюда! — крикнула Белинда и кинулась вслед за Лисен, младшей дочерью Дана, которая с визгом спряталась за Анной, сжимая в руке зубную щетку старшей сестры. — Я не разрешаю брать мои вещи! Дай сюда!

— Анна! — Голос Лисен звучал умоляюще, но Анна вытащила ее из-за спины и поставила перед собой.

— Если ты взяла зубную щетку Белинды без разрешения, то немедленно верни.

— Вот так тебе! — воскликнула Белинда.

Анна бросила на нее строгий взгляд.

— А тебе, Белинда, совершенно необязательно гонять сестру по всему дому!

Белинда пожала плечами:

— Кто берет мои вещи, пусть пеняет сам на себя.

— Вот скоро родится братик, — сказала Лисен, — он все твои вещи раздерет!

— Я все равно скоро буду жить отдельно, так что портить он будет твои вещи! — ответила Белинда и высунула язык.

— Послушай, тебе сколько лет — восемнадцать или пять? — проговорила Анна, не в силах сдержать улыбку. — Почему вы так уверены, что будет мальчик?

— Мама говорит, что когда у тетеньки становится такая большая попа, как у тебя, — значит, будет мальчик.

— Цыц! — прикрикнула Белинда, сверкнув глазами на Лисен, которая не совсем поняла, что именно сказала не так. — Извини, — добавила она, обращаясь к Анне.

— Да ничего страшного, — проговорила Анна, улыбаясь, но в глубине души все же почувствовала себя задетой.

Стало быть, бывшая жена Дана считает, что у нее толстая задница. Однако даже такие комментарии, которые, впрочем, не лишены были доли истины, не могли испортить ей настроение. Она, без всяких преувеличений, побывала на самом дне, и дети — вместе с ней. Несмотря на все, что им довелось пережить, Эмма и Адриан стали спокойными и уравновешенными ребятами. Иногда ей с трудом верилось, что все это не сон.

— Ты обещаешь хорошо вести себя при гостях? — спросила мать, глядя на него серьезным взглядом.

Он кивнул. Никогда в жизни ему не пришло бы в голову вести себя плохо — так, чтобы матери стало за него стыдно. Единственное, чего бы ему хотелось, — всегда и во всем угождать ей, чтобы она продолжала любить его.

Зазвенел дверной звонок, и мать резко поднялась.

— Они пришли!

В ее голосе ему послышалось радостное возбуждение — новый оттенок, встревоживший его. Иногда мать преображалась до неузнаваемости после этого мелодичного звука, который сейчас отдавался вибрацией в стенах ее спальни. Но ведь необязательно, чтобы и в этот раз все было именно так.

— Давайте повешу ваше пальто, — донесся из холла голос отца, сопровождаемый неразборчивым бормотанием гостей.

— Иди к ним, я сейчас приду.

Мать махнула ему рукой, и он ощутил запах ее духов. Она присела на пуфик перед туалетным столиком и еще раз проверила, в порядке ли прическа и макияж, с удовольствием разглядывая свое отражение в зеркале. Он замер на пороге, с восторгом глядя на нее. Когда их глаза встретились в зеркале, между ее бровей пролегла невольная морщинка.

— Разве я не сказала тебе, чтобы ты спустился вниз? — спросила она строго, и он почувствовал, как чернота на мгновение снова сжала его в своих объятиях.

Смущенно опустив голову, он стал спускаться в холл, откуда доносилось гудение голосов. Матери не придется за него краснеть.

При каждом вздохе горло обжигало холодным воздухом. Он обожал это чувство. Все считали, что только сумасшедший может совершать пробежки зимой. Но он предпочитал тренироваться зимой, чем летом в гудящий зной. А в вы-

ходные, как сегодня, он пользовался случаем, чтобы пробежать лишний круг.

Кеннет бросил взгляд на свои часы. В них имелись все функции, необходимые для успешной тренировки: измеритель пульса, шагомер, даже память на результаты предыдущей пробежки.

Сейчас его целью было пробежать Стокгольмский марафон. Он уже участвовал в нем дважды, так же как и в Копенгагенском марафоне. Двадцать лет он регулярно бежал, и если бы его спросили, как он хочет умереть, он предпочел бы через двадцать-тридцать лет упасть прямо на бегу. То чувство, которое его охватывало, когда он бежал, когда ноги несли его вперед, отбивая четкий ритм, постепенно сливающийся с биением сердца, — это чувство невозможно было сравнить ни с чем. Даже усталость, тяжесть в ногах, когда выделялась молочная кислота, стала привычной вещью, от которой он с годами научился получать удовольствие. Когда он бежал, то чувствовал, что живет. Лучше он и не мог бы это объяснить.

Приближаясь к дому, он замедлил темп. Прямо перед своим крыльцом некоторое время совершал бег на месте, затем, взявшись за перила, сделал растяжку. Воздух вырывался изо рта белым облаком, и он чувствовал себя чистым и сильным, пробежав в быстром темпе двадцать километров.

— Это ты, Кеннет? — донесся голос Лисбет из гостевой комнаты, когда он хлопнул входной дверью.

— Да, это я, моя дорогая. Я сейчас быстренько приму душ и приду к тебе.

Повернув кран горячей воды до предела, он встал под жесткие струи. Этот момент был, пожалуй, самым приятным. Он испытывал такое блаженство, что только усилием воли мог заставить себя выйти из-под душа. Вылезая из душевой кабины, он поежился. По сравнению с атмосферой там, внутри, в ванной было холодно, как на Северном полюсе.